

Священник Г. Петров

Евангелие как основа жизни

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

© Православное братство Святого Апостола Иоанна Богослова Москва - 1997

Содержание

- I. Основные начала цивилизации
 - II. Христианское воспитание воли
 - III. Нравственное вырождение
 - IV. Величие Евангелия
 - V. Царство Божие
- Послесловие. Священник Григорий Петров и его книга

I. Основные начала цивилизации

*"Ищите же, прежде Царства Божия и правды Его, и Это все приложится вам".
(Мф. 6,33).*

По своему характеру современная европейская цивилизация официально признается христианской, учение Иисуса Христа провозглашается высшею нравственною истиною, основным законом духовного развития человека; евангельской религии приписывается первенствующее значение в устройении личной, семейной и общественной жизни. Словом, внешняя показная сторона дела заставляет предполагать, что нами управляют главным образом ясно понятые и живо воспринятые евангельские заповеди любви и правды, что мы в своей деятельности руководимся по преимуществу религиозно-нравственными мотивами; но действительность далеко не соответствует такому ожиданию. Холодное, безучастное, иногда даже пренебрежительное отношение ко всему, что напоминает о религии, в современном обществе явление обычное и широко распространенное; постановка и решение вопросов высшего порядка, вопросов нравственности зачастую обнаруживают смутное, сбивчивое понимание самых элементарных сторон христианского мировоззрения: извращаются, грубо перетолковываются основные заповеди Евангелия; высшие требования христианской морали отвергаются, как утопия, как несбыточная и неприменимая в жизни мечта; целому ряду понятий, которые по своему содержанию должны бы были будить нравственную энергию в людях, украшать их духовный облик, приписывают не соответствующий им более или менее низменный смысл. Возьмите, например, слово "величие"; произнесите его в любом собрании; спросите присутствующих, какой смысл они соединяют с этим понятием, к кому, по их мнению, наиболее оно может быть применимо. Вам много наговорят о громкой славе победителя народов, о блеске гения поэта, о лаврах виртуоза, о пышности, могуществе монарха и едва ли вспомнят о нравственной силе и красоте героев духа, мучеников святых идей: об апостолах любви, о братьях и сестрах милосердия, о самоотверженных глашатаях истины. Вам назовут Цезаря, Наполеона; может быть, вспомнят Шекспира, Бисмарка, Сальвини и, наверное, забудут Эпиктета, Сократа, Симона-Петра, апостола Павла. А великие по обаянию самоотверженной деятельности имена Гааза, Дамиана Вестера, Дюнана, или наших родных Евфросинии Полоцкой, Нила Сорского, Радищева, Сковороды и многих других, кому они известны?

Наряду с этим выдвигается обширный круг явлений первостепенной общественной важности, вырабатывается целый новый строй жизни, который чужд всякого прямого влияния религии и который тем не менее признается естественным, разумным. Сторонники его категорически утверждают даже, что будто бы религия Иисуса Христа уже отжила свой век, сказала свое последнее слово, что евангельская мораль была пригодна лишь для простодушных рыбаков Галилеи, а современному просвещенному европейцу нужны иные руководящие начала. Эти начала ему может дать и дает одна наука. Наука, говорят они, зажгла маяк, перед ярким блеском которого свет религии тускнеет и должен совсем померкнуть. Религиозный свет часто омрачался тучею суеверий, вспыхивал зловещим пламенем фанатизма, был причиною ожесточенной братоубийственной войны. Достаточно вспомнить варфоломеевские ночи, драгонады, пытки и костры инквизиции, чтобы благословлять науку, которая освободила человечество от подобных ужасов.

Что ответить на это? Во-первых, при критической оценке какой бы то ни было религии вообще, а христианской особенно, со стороны их высоты и значения следует всегда отличать основную религиозную идею от наличной действительности, не смешивать того, *что есть*, с тем, *что должно быть*. Люди, по своему узкомыслию и изуверству, могут извратить и унизить самую высокую идею, облечь ее в уродливую форму; но это не значит, что идея низменна, уродлива сама по себе. Идея чистой свободы неповинна, конечно, в безумных преступлениях анархизма; так и христианство не может быть обвиняемо в мрачных деяниях Лойол и Торквемад. Роу в интересной книге "Очевидные истины христианства" говорит: "Среди верующих, принадлежавших к Церкви, часто царило огромное суеверие; Церковь освящала дела, ясно запрещенные ей ее Основателем; она, - страшно сказать! - обнажала даже меч, который Он ясно повелел ей вложить в ножны. Все это несомненно, но несомненность эта делает еще более удивительным факт, что Церковь находила в лице своего Основателя вечный принцип для своего возрождения. В личности и учении Иисуса Христа есть некоторый глубокий смысл, который был, так сказать, выше действительного (наличного) христианства всех веков. Простое изображение личности Основателя христианской Церкви в том именно виде, в каком он был изображен евангелистами, без примеси ложных очертаний, какие присоединялись к Его образу людскою глупостью или злою волею, всегда было и всегда будет причиною Обновления церковной жизни. Это характерная и исключительная особенность христианства".

Религиозные войны, массовые избиения еретиков и костры инквизиции не есть естественное порождение религии Спасителя; это грубое, преступное извращение ее, тяжкое оскорбление, поругание всепрощающей любви Распятого за мир Сына Божия. Христианству как религии, проникнутой духом евангельской кротости, любви и милосердия, органически ненавистно всякое насилие, тем более насилие во имя Бога, который, по словам евангелиста Иоанна, есть Сама Любовь. Когда пылкие и усердные не по разуму Иаков и Иоанн, оскорбленные непочтением самарян к их Учителю¹, сказали: "Господи, хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?" - Иисус Христос, обратившись к ним, *запретил им* и сказал: "Не знаете, какого вы духа, ибо Сын Человеческий пришел не губить души, а спасать". И пошли в другое селение. В притче о плевелах мы читаем: "Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Пришедши же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нем плевелы? Он же сказал им: враг человека сделал это. А рабы сказали: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: *нет, - чтобы,*

¹ "Иисус восхотел идти в Иерусалим, и послал вестников пред лицом своим; и они пошли и вошли в селение Самарянское, чтобы приготовить для Него; но там не приняли Его" (Лк. 9, 51-53)

выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы" (Мф.13, 24-30).

После приведенных мест Евангелия, полагаю, излишне пояснять, что христианская религия *как таковая* не должна быть осуждаема за те преступления и безумства, которые совершаются ее ложными, самозванными друзьями, ожесточенными изуверами. Тупое недомыслие и угрюмая злоба могут набросить на светлый лик Спасителя мрачное покрывало фанатизма и суеверия, но от этого Божественная красота Его нимало не утратит своего блеска; надо осторожно снять неуместный покров, очистить лик от наносной копоти и пыли, но никак не вытравлять самый образ, чарующий сердца лучших людей небесной благодатью, кротостью и чистотой.

Взвесьте беспристрастно роль евангельской религии в истории минувших девятнадцати веков, и вы поразитесь, как много она сделала для человечества. Какой неизгладимый след она оставила на всей нашей цивилизации, на наших нравах, обычаях, законодательстве, науке, искусстве. Как сильно она изменила нравственно к лучшему, облагородила человечество; сколько внесла в жизнь сердечной теплоты! Миллионы людей в ней почерпали силы жить во имя добра и правды; на алтарь ей несли свои лучшие чувства и думы и в служении ей нашли высшую отраду. Неужели ж теперь иссякла ее живительная сила, вдруг пересох родник, утолявший духовную жажду сотен сменившихся поколений и место Евангелия заступит энциклопедия наук? В силах ли наука заменить религию, как руководительницу человека в светлую даль грядущего? Это вопрос серьезный; с легким сердцем решать его преступно: ошибка может привести к печальной катастрофе. Мы его рассмотрим исторически: какие силы преимущественно двигали человечеством в его поступательном движении доселе, какие верховные идеалы преподносятся нашему миру теперь и осуществление их может ли быть результатом исключительно умственного движения, накопления знаний, развития, усовершенствования головного мозга, или оно скорее будет продуктом религиозного, этического прогресса, культуры сердца?

Мировая жизнь в ее различных сферах и проявлениях представляет одну общую картину медленного, но постепенного развития, раскрытия сил, заложенных в основе самой природы. Как у нас над головами, в беспредельном воздушном пространстве на смену угасшим, отжившим солнцам возникают, загораются новые миры, так и в сокровеннейших тайниках человеческого сердца на смену устарелым, осуществленным целям выясняются, зарождаются новые идеалы. Мелкие, личные стремления людей сменяются быстро, напоминают причудливую пестроту калейдоскопа; но поверх этих частных, злободневных нужд и забот у человечества в каждую отдельную эпоху есть особые общие цели, стремление к которым держит духовные силы общества в напряженном состоянии, и чем более веков пронесется над головою человека, тем эти общие цели, верховные идеалы его становятся шире, возвышеннее, универсальнее.

На заре культурной жизни вниманием человека овладевает всецело внешний, физический мир. Подавленный массой воспринятых извне впечатлений философский гений народов, подобно ребенку при начале умственной деятельности, на первых порах смутно сознает свою личность, не выделяет себя из окружающей природы. Пылкость ума направлена исключительно на решение загадки бытия вселенной. Вся греческая философия от Фалеса до Сократа решает вопрос о сущности мира. Из чего все состоит, из чего все возникло, во что под конец все разрешается? - вот основной предмет древнего мировоззрения. Вода, воздух, огонь, вся бесконечная материя поочередно признаются неизменной сущностью в изменяющихся явлениях. И только рассмотревши уже всесторонне этот вопрос, философия ставит себе новую, более трудную задачу, переносит свое внимание на человека. "Философская мысль, - говорит Бауер, - обращается к миру внутреннему и начинает заниматься исследованием чудес, совершающихся в области духовной жизни, тогда только, когда глаз его успевает уже присмотреться к вечно

тождественному течению небесных светил и к постоянно изменяющимся явлениям окружающего нас физического мира".

Открыть новую эру в истории человеческой мысли выпало на долю Сократа. Сократ первый отрешил философию от физической природы и открыл ей духовную область. До Сократа учили: "познай окружающий тебя внешний мир"; Сократ стал учить: "познай самого себя". Это был громадный шаг вперед, но полного уяснения поставленной проблемы тотчас ожидать было нельзя. Эволюция совершается постепенно; все приходит в свое время, и даже философский гений не делает скачков. Углубившись внутрь самого себя, Сократ мог заметить только одну сторону духовной природы человека - познание. О сложной, скрытой жизни сердца он еще не подозревал, предполагая, что люди злы и лживы по невежеству. "Кто истинно познал прекрасное, тот будет и действовать сообразно с этим", - говорит Сократ. Хотелось бы, чтобы это было так, но горечь опыта постоянно убеждает нас, что между знанием добродетели и жизнью, сообразной с нею, лежит далекий путь. Чтобы достигнуть намеченной вершины, путнику, помимо знания местности, необходимо твердое желание преодолеть все трудности пути и здоровый организм, закаленный в ходьбе. То же и на пути к вершинам добродетели. Мало иметь возвышенные мысли, ясно понимать значение добра - нужна еще известным образом воспитанная воля, которая бы проводила наши идеалы в действительность, осуществляла их. Для Сократа добродетель представилась чем-то внешним по отношению к человеку; он думал, что добродетели, как арифметике, как чтению, письму, можно обучиться. По новизне впервые выдвинутого им вопроса Сократ не в состоянии был вдруг уразуметь, что добродетель - плод долгой внутренней работы, результат упорной борьбы с грубыми врожденными инстинктами. Нужны были века, чтобы человечество поняло это, и тогда устами апостола было провозглашено: "по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего" (Рим. 7, 22-23).

В зависимости от того, что внимание древности приковано было преимущественно к внешнему миру, что высокое значение личности еще не было опознано, и верховные идеалы древних культурных народов по отношению к человеку носили внешний характер. Наиболее яркими выразителями культуры древности были Греция и Рим, так называемый мир античный, и мы видим, что обширная область разнообразных духовных интересов для этого мира почти не существует: вопросы о достоинстве человека, о правах личности, о братстве народов и многом другом тому подобном если случайно когда и затрагиваются, то всегда вскользь и никогда не выдвигаются на первый план. Конечною целью стремлений античного мира был культ физической красоты и грубой мускульной силы. Эстетик грек свои силы отдал первому, гордый владыка мира римлянин служил второму. Грек благоговел пред красотой тела, чтил и поклонялся ей одной. Греческая мифология полна возмутительных, скандальных похощений божеств Олимпа, но она даст длинный ряд образов, чарующих совершенством пластических форм. Удивительный по разностороннему блеску гений грека рельефней всего выразился в скульптуре. Резец Фидия, Праксителя, Поликлета и других достигает кульминационной точки красоты, оставаясь вековым, недостижимым образцом для потомков. Дальше идти нельзя.

Римлянин не был художник, на искусство смотрел, как на прикрасу обыденной жизни. Крепкий, могучий - он силу ставил выше красоты. Пред его мощью склонялись самые отдаленные народы, и Рим рос, богател, украшался за счет покоренных стран. Рим - столица мира; его величие, сила - вот идеал, которым жил и которому всем жертвовал древний римлянин. Но оба эти идеала - и совершенство телесной красоты, и торжество грубой, мускульной силы - были, наконец, достигнуты. Акрополь сиял небывалой, чудесной красотой; слово Рима было законом для отдаленных окраин земли. Во имя чего было жить теперь античному миру? Новой идеи, которая бы властно захватила общество, не являлось; а старая отжила свой век. Без воодушевляющего же идеала, хотя бы и низкой пробы, человек не может жить, народная доблесть гибнет, общество разлагается. Не мог

продолжать свое существование и античный, греко-римский мир. Настало время, когда расшатанные устои Рима рухнули и Римская империя перестала существовать. Она пала, должна была пасть, потому что идеалы, которые ее воодушевляли, были временны, и когда сила их была исчерпана, ей нечем стало жить. Для возрождения одряхлевшего организма требовалось вдохнуть в него новые силы. Необходимо было для духовной жизни человечества найти новые начала. На развалинах античного мира могла зародиться и расцвести новая цивилизация, но для этого нужна была новая идея, и мы видим, что в основу нарождающейся цивилизации полагаются новые идеалы. Древний мир искал красоты телесной; преклонялся перед физической силой; люди новой эпохи ищут красоты духовной, преклоняются перед нравственной мощью. Теперь центр тяжести извне переносится внутрь человека. Дух человека признается источником общественной, политической и всякой исторической жизни. Возвышение человеческого сердца, нравственное усовершенствование, духовный рост личности становятся главной задачей общества; все остальное имеет второстепенное значение. "Ищите же, прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам, придет к вам само собою", - говорит Евангелие. Под "Царством Божиим" разумеется совершенная жизнь на земле, - жизнь, основанная не на господстве насилия, грубого эгоизма, а на началах всеобщей любви, полной справедливости, признания всех законных прав личности. Наступление этого "Царства" обусловлено нравственным перерождением человека, обновлением всего его внутреннего существа. "Истинно, истинно говорю тебе, - сказал Иисус Христос Никодиму, - если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия" (Ин.3,3). В другом месте Иисус Христос говорил: "Не придет Царство Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть" (Лк. 17, 20-21). Это новый идеал; идеал не временный, а вечный. Идеалы древней Греции и Рима можно было перерастить, потому что античный мир и пал. Новый идеал, указанный христианством, не имеет границ; его нельзя достигнуть. "Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Мф. 5, 48) - вот завет Спасителя людям. Этот завет является залогом бесконечной будущности нашей цивилизации. Новая культура в самом духе христианина, в его неиссякаемой способности совершенствоваться всегда найдет источник своего дальнейшего обновления и развития. Перед нашими глазами разворачивается теперь почти двухтысячелетняя история христианства; наш взор в состоянии теперь обнять и измерить внутренний, последовательный процесс его развития, степень его могущественного влияния на совесть и жизнь человечества, и мы видим, что христианство далеко еще не выразило всего содержания своей мысли, не сказало своего последнего слова. Для осуществления Царствия Божия на земле человечеству предстоит еще долгая упорная работа над собою, над улучшением, нравственным воспитанием сердца. Евангелие пробудило много добрых чувств, затронуло в сердце человека не ведомые ему самому струны, извлекло из них звуки чарующей красоты и неотразимой силы, но эти звуки не слились еще в могучий аккорд, в гимн торжествующей любви и правды.

Если наука хочет заменить религию, она должна взять на себя ее обязательства и, требуя предпочтения себе, вынуждается дать человечеству более могущественные средства, указать скорейший путь к осуществлению конечных целей в жизни, чем это делает религия. И наука самоуверенно признает себя способной к этому. Она торжественно провозглашает, что только знание может привести человечество к лучшему будущему. "Если мы хотим привести в известность условия, от которых зависят успехи новейшей цивилизации, - говорит Бокль, - то должны искать их в истории накопления и распространения умственного знания. Физические явления и нравственные начала производят, конечно, в 110 временам значительное расстройство в общем ходе дел, но с течением времени они приходят в порядок и равновесие и оставляют, таким образом, умственным законам свободу действовать независимо от этих низших, второстепенных деятелей". Такое решительное утверждение опирается на мнение, будто огромное

развитие, совершающееся в нашей цивилизации, представляет главным образом умственное движение и будто нравственный прогресс общества стоит в прямой зависимости от роста знания. Но рассуждать так значит не знать сердце человека, не понимать, к чему призвана наука и что она может дать. Область науки обширна; если хотите, бесконечна; задачи ее велики. Она так много сделала и еще более сделает для человечества, что самое имя ее должно быть священо для мыслящих людей; - но двигательная сила культурного прогресса все же не интеллект и образование одно не улучшает нравы. Наука расширяет умственный горизонт человека, развивает его интеллектуальные силы, увеличивает нашу власть над природой, но возродить духовно человека, нравственно его возвысить она без содействия религии не может. Оставив путь длинных рассуждений, припомните хотя бы французских панамистов: сенаторы, члены парламента, редакторы влиятельных газет - все люди обширных знаний, крупных способностей, а в общем шайка мошенников. Прискорбно, но естественно. Сердце человека волнуется одними и теми же страстями, будет ли это сердце передового мыслителя или последнего поденщика. Простой галилейский неграмотный рыбак нравственно может быть выше десятка философов, светил науки. Сопоставьте, например, нравственный облик Бэкона Веруламского - отца опытной пауки - с негром-рабом, обрисованным в "Хижине дяди Тома", и вы убедитесь, что образование может изменить формы зла, сделать их более утонченными, но уничтожить зло, облагородить нравы - этого образованию не дано. Не науке путем обновления сердца вести людей к осуществлению Царства Божия на земле.

Впрочем, наука, может быть, сильна иными средствами создать человечеству светлую будущность? Уясняя законы, по которым существует вселенная, открывая средства воздействия на силы, заложенные в материю, наука дает нам громадную власть над природой. Было время, когда человек трепетал пред каждым грозным явлением природы; теперь он властелин ее. Наука превратила солнце в печатный станок, оседлала волну, скрутила буйный ветер, запрягла пар в работу, надела на молнию сумку почтальона; алмазные сверла проходят сквозь недра скал, добывают воду в знойной пустыне; гиганты-молоты шутя сплющивают глыбы металла; телеграф, телефон, телескоп уничтожили пространство; спектральный анализ определил состав планет; тысячи фабрик с ничтожною сравнительно затратою мускульной силы выполняют работы, которые не снились мифологическим титанам. Если бы люди древнего мира, созерцая будущее, могли представить, что делает теперь наука, они решили бы, что наступил тот золотой век, о котором всегда мечтали их поэты. Но при всех этих завоеваниях ума, обетованная земля по-прежнему бежит перед нами, подобно миражу. Глубокое невежество народных масс, чрезмерное труженичество, вопиющая нищета рядом с праздностью и расточительностью чувствуются не менее болезненно и в веке электричества и пара, чем в век грубого варварства. "Богадельни и тюрьмы такие же обычные спутники научного прогресса, - говорит Генри Джордж, - как и роскошные дворцы и великолепные магазины. В шумных столицах, на улицах, залитых асфальтом и озаренных электрическими солнцами, мы, как и везде, встречаем истомленные, хмурые, злобные лица. Среди наибольшего скопления богатства люди умирают с голоду и болезненные дети сосут иссохшие груди своих матерей. Всюду жажда наживы и поклонение богатству указывают на силу страха перед нуждой. Трагизм евангельской притчи о богатом и Лазаре не утратил своей жгучести и доселе".

"Что пользы человеку-Прометею в том, что он добыл огонь с неба и сделал его своим слугою, что ему повинуются духи земли и воздуха, - спрашивает известный ученый Гэкли, - если коршун надежды вечно будет раздирать его внутренности и держать его на волоске от полного разрушения?" "Я не боюсь выразить мнение, - говорит он же, - что если нет надежды на значительное улучшение положения большей части человеческой семьи; если правда, что рост знания, дающий в результате приобретение большей власти над природой, и даваемые властью богатства ничем не изменят напряженности нужды и

ее распространения со всем сопровождающим ее физическим и моральным вырождением в массах народа, я радостно приветствовал бы приближение какой-нибудь услужливой кометы, которая, смыв долой всю эту историю, положила бы ей желательный конец".

"Этот союз бедности с прогрессом, - заметил Генри Джордж, - есть великая загадка нашего времени. Это центральный факт, из которого вытекают те промышленные, общественные и политические затруднения, которые спутывают мир и с которыми тщетно борются государственные люди, филантропы и педагоги. От него поднимаются те тучи, которые застилают собою будущее самых прогрессивных и независимых наций. Это загадка, которую сфинкс судьбы задал нашей цивилизации и не разгадать которой значит погибнуть. До тех пор, пока весь рост богатства, который называется материальным прогрессом, будет уходить лишь на образование огромных состояний, на увеличение роскоши и усиление контраста между Домом Изобилия и Домом Нужды, до тех пор прогресс не может считаться действительным и прочным". Реакция должна наступить. Необходимо обновить движущие силы цивилизации, ввести в жизнь новые факторы, помимо знания. Наука, обещавшая, самостоятельно воссоздать на земле царство высшей правды и равноправности, с этой стороны должна быть признана банкротом. Вместо того чтобы, объединившись под начальством неба, вести борьбу против общего врага - царства тьмы и неправды, люди со знаменем науки в руках борются из-за добычи. Основным девизом жизни стало: "кто кого может, тот того и гложет". Как сказано в Библии об Измаиле: "руки одного на всех и всех на одного" (Быт. 16, 12). Каждый за себя и для себя, то есть всеобщая вражда, взаимное недоверие, раздражение, озлобление, и нигде покоя, справедливости, жалости и любви. Противник падает, тем лучше: в борьбе улучшается людская порода. Пощада - преступление, потому что приносит сильных в жертву слабым, а богатых духом и телом - ленивым и хилым, Миром движет, говорит наука, и над миром господствует суровый, неумолимый закон борьбы за существование. Логическим последствием подобного воззрения на жизнь, на факторы цивилизации является нищезанятие.

Ницше - оригинальный, блестящий немецкий мыслитель, человек крупных, разносторонних дарований. Он критик, поэт, филолог и, наконец, философ. Основную темой его литературной философской деятельности служит ожесточенная, открытая борьба против христианства. Ницше думает, что зло современной жизни, все бедствия нашей цивилизации проистекают от того, что мы подчинились евангельским требованиям любви, кротости, милосердия. Перед человечеством, по его мнению, тогда только развернется блестящая перспектива, когда оно освободится от нравственных пут, наложенных на него Иисусом Христом. Предоставьте человеку полный простор, говорит Ницше; освободите его от пустых призраков совести, страстей - и вы поразитесь мощи проявленных им сил. Десятки, сотни, может быть, тысячи слабых людей погибнут, будут раздавлены в борьбе, но зато победитель, упившийся их потом и кровью, по трупам, как по ступеням, поднимется вверх и положит начало новой породе существ. Это будет уже не просто "человек", а "Ueberschensch", "сверхчеловек".

Философия Ницше есть завершение теории Дарвина. По Дарвину, вся длинная лестница живых существ, начиная от низшего организма и кончая высшим - человеком, представляет из себя непрерывную цепь перехода от одного вида к другому. Путем борьбы за существование, так как ртов всегда более, нежели пищи, организмы неустанно совершенствуются: выживают экземпляры только более сильные, наиболее приспособленные к борьбе, а остальные истребляются или сами вымирают за недостатком пищи. Всякое же случайное преимущество законов наследственности закрепляется за организмом. Веками накапливается у того или другого вида животных столько отличительных признаков, что образуется новый, более совершенный тип. С ним повторяется та же история. Естественный отбор более приспособленных к борьбе за жизнь и закон наследственности ни на минуту не прерывают свою работу. Совершенствуясь так, органический мир выработал наконец тип человека. Подобная

теория (если даже оставить в стороне вопрос о справедливости или ошибочности основных ее положений) является недоказанною. Ницше взял на себя труд договорить ее, поставить точку над "i". Если человек длиною цепью вымерших видов соединяется непосредственно с обезьяною, произошел от нес, а обезьяна, в свою очередь, от других низших организмов, то почему мы останавливаемся на человеке? Не сейчас, не завтра, не через сто лет, но когда-нибудь должно явиться существо, еще более приспособленное к жизни, еще более совершенное, нежели человек. Провести человечество по этому пути, где в конце видятся титаны, полубоги, - это такая великая задача, думает Ницше, ради которой не стоит смущаться требованиями религии, морали, совести, долга. Чем больше совершится зла, тем более проявится сил, энергии, - тем скорее явится "сверхчеловек"... "Будьте тверды, - завещает Ницше своим ученикам, - не поддавайтесь жалости, состраданию, любви, давите слабых, подымайтесь по их трупам выше; вы дети высшей породы; ваш идеал - "сверхчеловек".

Ужасная теория! Торжествуют не лучшие, а наиболее сильные и хищные. Добро, любовь и истина должны расступиться и дать дорогу насилию, бесстыдству и пороку. Дионисий - тиран сиракузский, Ирод Великий, Нерон, Цезарь Борджиа - вот выразители идей ницшеанства. Где же тут обещанное наукой счастье всех членов человеческой семьи, где торжество высших начал правды? Где всеобщий альтруизм? Почему наука с прогрессом материальным не несет улучшения нравов; почему не вырвет с корнем зло? Увы, это не ее дело. Причины зла - нравственного свойства, а наука бессильна против нравственного зла. Она может раздробить скалу, сплющить глыбу металла, но смягчить жесткое, черствое сердце ей не дано. Все ее громкие изобретения, слава нашего века, мелки по своему внутреннему назначению, ничтожны по целям, которым они служат. Служебная роль их сводится, большею частью, к содействию исключительно материальному прогрессу: увеличению власти человека над силами природы, накоплению богатств и внешних удобств жизни. Апостолы и философы, проповедуя братство народов и провозглашая права человека, успешно выполняли свою высокую миссию и без телеграфных и телефонных проводов; миллионы же проволок, паутиной охвативших в наши дни весь шар земной, служат по преимуществу биржевой плутне и газетной болтовне о политической игре нравственных лилипутов. Словом, знание, наука - то орудие, которое может быть и благотворно, и губительно, смотря по тому, как мы пользуемся им. Наука, например, изобрела порох, и миролюбивый китаец, отделенный своею стеною от остального мира, целые века пользовался им для забавы, устраивал из него фейерверки²; а воинствующий европеец, с высоты своей культуры так презирающий отсталого китайца, к пороху добавил ружья, пушки и гранаты, тратит на выделку их миллиарды и, при посредстве изобретений Шварца, Шапсо, Бердана, Маузера, Лебеда, Мартини, Армстронга, Норденфельта, Гочкисса, Максима, Крупна и других, им же имя легион, истребляет миллионы своих братьев. Если сравнить количество пороха, динамита и пироксилина, потраченных при осадах и бомбардировках на разрушение мирных человеческих жилищ, с количеством тех же взрывчатых веществ, употребляемых на улучшение путей сообщения в целях мирных сближений народов: на прорытие туннелей, на расширение узких горных проходов, на устранение опасных подводных скал, камней и рифов, то, с точки зрения нравственного развития человечества, какой грустный аттестат придется выдать культурной Европе! Одно научное просвещение само по себе даст лишь дрессировку разума, и если человек по своей природе хищная личность, то образование только изошряет ему зубы, оттачивает когти. Разум служит для подготовки и обработки почвы, завоеванной другими силами. Разум - сила исполнительная, а власть законодательная, сила руководящая принадлежит сердцу. Евангелие девятнадцатых веков

² Кольб. "История культуры", с. 77-78: "китайцы были знакомы с порохом, но никогда не имели огнестрельного оружия".

Пешель. "Народоведение", с. 372: "китайцы знали порох ранее европейцев, употребляли его только на фейерверки"

тому назад провозгласило: "из сердца исходят помышления злые и благие". Божественный сердцеведец, Христос Спаситель, первый указал миру, что единственный источник общественной жизни есть дух человека и что чем он совершеннее, тем совершеннее будет и все, им созданное. Если вы хотите, чтобы изменилась окружающая вас жизнь, говорит христианство, - изменитесь сами, воспитайте ваше сердце. Братская, любовная жизнь, Царство Божие на земле возможны; только их надо искать не где-нибудь вокруг, не в чем-нибудь внешнем, а внутри себя, в своем сердце. Сердце же не область влияния науки, а царство религии. Внешним механическим путем нельзя вдохнуть силы в нравственную природу человека. Наука не может заставить человека изменить свою волю. Страхом или принуждением можно заставить его отказаться от дурного действия, но не от дурной воли, которая есть движение внутреннее, не подверженное внешней силе. Нравственное обновление человека обуславливается добровольным подчинением силе, обладающей такую привлекательностью, которая обязывает совесть, глубоко волнует чувствования и склонности, вызывает к деятельности все, что есть доброго в них, и дает возможность торжествовать над низшими. Такою силою для человечества может быть только евангельская религия. Евангелие, говоря нам о Боге как о Совершенной Любви и Абсолютной Правде, о Его отношении к миру и о наших обязанностях к нему, наполняет нашу душу благоговейным поклонением Высшему Существованию, будит в нас стремление стать достойными Его любви, вызывает покорность Его заповедям как непреложному нравственному закону. Христианство, и оно одно только, во имя Высшей Святости, которая есть Сам Бог, неустанно побуждает человека идти все вперед и вперед в нравственном росте.

Отсюда общий вывод такой. Высший универсальный идеал всего человечества - идеал, указанный Евангелием: Царство Божие. Путь к осуществлению его - нравственное обновление всей духовной природы человека, выработка им христианского мировоззрения, воспитание воли в духе евангельской любви и правды. Движущею силою на этом пути служит религия. Подобный вывод никоим образом не может считаться унижительным для науки, и ей нет оснований оспаривать его. У науки своя специальная сфера деятельности, также весьма почтенная, каждый успех в которой является в своем роде также крупным благодеянием для человечества. Эти обе области - и область влияния религии, и область влияния науки - при надлежащем понимании дела отнюдь не оказываются между собою в противоречии: они дополняют одна другую. И если между представителями религии и представителями науки бывают столкновения, то это объясняется печальным недоразумением: неумением разобраться в границах своей компетентности, желанием вторгнуться в чужие пределы. Есть средневековый рассказ о двух рыцарях, которые бились на поединке смертным боем, обвиняя друг друга в явной, как им каждому казалось, неправде. Они спорили о цвете щита: один говорил, что щит белый; другой утверждал, что щит голубой. Спор разгорелся и кончился поединком, а правы были оба. Щит с двух сторон был окрашен в разную краску: одна в голубую, другая в белую. Осмотри рыцари спорный щит не с одной стороны, а с обеих или, если это в силу занимаемых ими мест невозможно, согласись каждый признать, что он изучил предмет только с одной доступной ему стороны и что он правоспособен говорить только об одной половине щита, недоразумение не повело бы к кровавой развязке, рыцари не стали бы произвольно ломать копья в напрасном поединке, а братски протянули бы друг другу руки для совместной работы во имя общего блага.

Спор между представителями науки и религии объясняется подобным же недоразумением. И наука, и религия имеют дело с одним и тем же предметом: с огромным мировым организмом в его целом и, в частности, с человеком, который среди беспредельной вселенной представляет из себя как бы особый, выделенный, в себе замкнутый мирок. Отвечая запросам нашего ума и сердца, наука и религия с двух разных сторон освещают перед нами загадку миробития. Наука определяет вечные, незыблемые законы, по которым идет жизнь вселенной; открывает и подчиняет человеческому разуму

все новые и новые силы природы, устанавливает степень внешней, физической зависимости человека от окружающей его среды; говоря короче, наука задается целью дать возможно полный ответ на вопрос: как мир живет? У религии иная задача; она отвечает на вопрос: как человеку в мире жить? В какие отношения он должен стать к миру и к Тому, Кто выше мира? Законник спрашивал Иисуса Христа: "Учитель! Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?" С этим же вопросом и каждый христианин обращается к религии, установленной Спасителем, твердо веруя, что он найдет не только нужный ему ответ в евангельском учении, но и приобретет в тесном, живом молитвенном единении с Богом нравственные силы, необходимые для того, чтобы в каждом отдельном поступке, чувстве и слове тайлся вечный смысл, дающий право жить. При таком понимании задач религии и науки и разграничении сфер их деятельности может ли быть речь о противоречиях между религией и наукой и о необходимости замены одной другою?

Самый путь к жизни, имеющей вечный смысл, человечеством еще далеко не пройден, и потому более чем странно говорить, что религия отжила свой век и что путеводною звездой и движущей силою дальнейшей цивилизации должна быть наука. Иисус Христос в Евангелии от Луки говорит: "чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё" (13, 20-21). Говоря в духе этой притчи, следует прибавить, что религия Христа необходима человечеству, как закваска для муки, и пока люди не проникнутся все духом евангельским, христианство ничем заменить нельзя. На это, может быть, возразят, что существует значительное число людей с высшими мотивами поведения и чистой, как кристалл, жизнью, которые тем не менее вполне открыто выражают свое неверие в религиозные учения, в корне отрицают их влияние на свою жизнь и на поведение. Типичным представителем таковых может служить знаменитый французский ученый Литтре, "этот святой, не верующий в Бога", как его метко охарактеризовал другой французский писатель - Каро. Каким же образом, спросят, примирить эти факты с нашим представлением о религии, как центре всех жизненных сил, двигающих и перестраивающих современный общественный мир?

Объяснение весьма несложно. Христианская религия за девятнадцать веков своего существования наложила на длинный ряд поколений, на их законы и учреждения, на их умственное и нравственное воспитание, на их образ мысли вообще сильный и неизгладимый след. Мы все, каковы бы ни были наши религиозные взгляды, мы все бессознательно находимся под ее влиянием на каждом шагу, в каждую минуту нашей жизни. Значительная часть идей, впервые возведенных миру христианством, стала теперь общим достоянием, и противники христианства всем, чем они по справедливости гордятся, обязаны целиком Евангелию, хотя они и не сознаются в этом. Но пусть тучи закрывают солнце, дневной свет, окружающий нас, все же не самобытен, а только результат сокрытого от нас светила. Когда же тучи рассеются, тогда небо просветлеет, засияет во всей красе, солнце будет лить потоки тепла и света, настанет ясный, ликующий день.

Но когда все это будет? Ответ дать никто не может. Иисус Христос говорит, что знать этого мы не можем; но именно потому, что мы не можем знать времени наступления этого часа, мы не только должны быть всегда готовы к встрече его, как должен быть всегда готов хозяин, стерегущий дом, как должны быть готовы девы с светильниками, встречающие жениха; но и должны работать изо всех данных нам сил для наступления этого часа, как должны были работать работники на данные им таланты. На вопрос, когда наступит этот час, Великий Учитель увещевает людей всеми своими силами работать для скорейшего наступления его. И другого ответа не может быть. Сказать людям, когда наступит день и час Царства Божия, никто не может, потому что наступление этого часа ни от кого другого не зависит, как от них самих.

"Ответ тот же, - говорит один известный мыслитель, - как ответ того мудреца, который на вопрос прохожего: "далеко ли до города?" отвечал: "иди". Как мы можем

знать, далеко ли до той цели, к которой приближается человечество, когда мы не знаем, как будет подвигаться к этой цели человечество, от которого зависит, идти или не идти, остановиться, умерить свое движение или усилить его. Все, что мы можем знать, это то, что мы, составляющие человечество, должны делать и чего должны не делать для того, чтобы наступило это Царство Божие; а это мы все знаем. Евангелие ясно говорит. И стоит перестать делать то, что мы не должны делать; только каждому начать делать то, что мы должны делать; стрит только каждому из нас жить всем тем светом, который есть в нас, для того, чтобы тотчас же настало то обещанное Царство Божие, к которому влечется сердце каждого человека".

Достижение Царства Божия есть дело Богочеловеческое, следствие принятия, усвоения человеком правды Божией, возвещенной людям

Иисусом Христом. Насколько человек в сердце приблизится к Богу, настолько ближе к человеку станет Божие Царство. Наступление Царства Божия, поскольку оно зависит от человека, обуславливается, стало быть, христианским воспитанием воли, воспитанием ее в духе евангельской любви и правды.

II. Христианское воспитание воли

"Царство Божие внутри вас есть". (Лк. 17, 21).

"Царство Божие силою берется и употребляющие усилие восхищают его". (Мф. 11,12).

Человек - существо в высшей степени сложное. Он рождается и живет со множеством влечений и потребностей, разнообразных как со стороны их качества, так и со стороны интенсивности их проявления. Есть потребности телесные, физиологические и есть потребности духовные: умственные, эстетические и моральные. Удовлетворение первых создает жизнь растительную, животную, жизнь без духовных запросов, без идеала, без высоких стремлений, в строгом смысле даже не жизнь, а прозябание. Это грубая, низшая форма жизни.

Удовлетворение умственных способностей дает человеку возможность ориентироваться в жизни. При посредстве науки, своим пытливым умом человек с каждым новым поколением все лучше и лучше познает вселенную, арену своей деятельности; вернее определяет свои способности и делается искуснее в управлении силами природы. Но это еще не все. Человек - не зритель только совершающейся перед ним мировой драмы. Он действующее лицо, непосредственный участник ее. Вопрос, как он воспользуется познанными силами, какую роль изберет себе: роль благородного героя, самоотверженного труженика на общее благо, пустого пошляка, или черствого эгоиста, - вопрос серьезный, роковой. Сознание долга само по себе еще не дает силы его исполнить. Источник всех действий человека есть его воля, и для того, чтобы человек действительно стал на осознанный им разумный, верный путь жизни, недостаточно признания ума, а нужен подвиг, внутреннее движение воли. Удовлетворите должным образом потребностям сердца; дайте сердцу такую задачу, которая бы пленяла, чаровала его; поставьте перед ним идеал, который одним бы только обаянием своего величия покорил волю человека - и вы получите жизнь такую, какую она должна быть и может быть. Ненормальность окружающей нас жизни, мрачный и безотрадный фон ее объясняются исключительно пренебрежением к потребностям сердца, являются результатом испорченной, злой воли человека. Поэтому думалось бы, что наука о правильном воспитании воли должна иметь у нас самое широкое применение, как основная наука жизни. Между тем, "удивительнее всего то, - говорит один французский писатель, - что люди сознают потребности в учителях и знаниях во всем остальном; там они прилагают известные старания; только науку жизни они не изучают и не хотят изучать". Посмотрите, как родители заботятся о физическом и умственном развитии детей и как мало думают,

болеют сердцем об их нравственном воспитании. Сколько внимания, тревог и попечений в одном отношении и какое удивительное равнодушие, бесстрастное спокойствие в другом! Следят за всякой открытой форточкой в детских комнатах; тщательно охраняют детей от малейшей сырости и едва заметного сквозняка; по часам, как лекарство, дают им пищу и укладывают спать, настораживаются при чуть слышных в детских хрипите и кашле; с тревогой следят за легким повышением температуры у ребенка. Начинают дети учиться - к их услугам всевозможные премированные учебные пособия, усовершенствованные приемы обучения; гувернеры, гувернантки, репетиторы, сами родители следят за каждым приготовлением урока. Уделяется ли хотя бы сотая доля такого же внимания родителей и воспитателей на заботы о нравственном воспитании детей? Если ребенок растет крепышом, что более волнует и огорчает родителей: преждевременная ли нравственная порча детской души, или замедленное, слишком позднее развитие ума? Когда в ребенке с каждым новым фунтом веса начинают проступать низменные инстинкты, всосанные им с молоком матери и впитанные из окружающей его нравственной атмосферы детской, когда он с каждым новым словом начинает все сильнее и сильнее проявлять жадность, лживость, лукавство и другие присущие нашим детям пороки, то первые признаки нравственного растления ребенка вызывают ли в доме хотя намек на тот переполох, какой обычно вызывают первые симптомы детских болезней: кори, крупа, скарлатины или дифтерита? Прилагаются ли должные усилия отыскать причины нравственной заразы и производится ли тщательная нравственная дезинфекция, как это обычно бывает при эпидемических заболеваниях детей? Перейдем от детей к юношеству. При многочисленности среди учащейся молодежи всевозможных обществ и кружков содействия физическому развитию и научному и художественному самообразованию, знаем ли мы хотя бы единичные кружки эстетические, задающиеся целью содействовать нравственному самовоспитанию? Все это вопросы, на которые действительность дает ответы удручающей горечи. Почему дело стоит так, объяснить нетрудно. В политической экономии признано законом, что обработка земель начинается всегда с менее производительных, но более легких для работы участков и затем уже переходит на почвы более плодородные, но требующие и большего труда, и больших затрат для приведения их в культурное состояние. То же самое мы видим и в области воспитания. И здесь обыкновенно начинают с изучения явлений наименее сложных, наименее обильных важными последствиями, в смысле их воздействия на наши поступки, и, может быть, только в будущем перейдут к явлениям существенным, коренным, которые требуют к себе и большего внимания, и большего труда, но зато и более благотворно отражаются на жизни. Бесспорно, легче укрепить физический организм ребенка, сделать его сильным, выносливым, ловким, обогатить ум учащихся разносторонними знаниями, развить в них вкус к изящному, нежели выработать из них цельный нравственный характер, направить их волю

На искание правды вечной
И душевной красоты,

а это последнее - главное в человеке. Римский мудрец Эпиктет говорит: "Вы окажете величайшую услугу государству, если вместо того, чтобы воздвигать высокие здания, вы будете стараться возвышать душу ваших сограждан; потому что гораздо лучше, если люди с возвышенной душой ютятся в маленьких хижинах, чем если низкие души прячутся в огромных хоромах". Свифт в своем "Гулливере" дает совет "при выборе лиц для занятия правительственных должностей обращать больше внимания на нравственные качества этих лиц, чем на их способности и таланты". По его мнению, "самые высшие умственные дарования не могут заменить нравственных качеств, и потому опаснее всего поручать правительственные должности даровитым лицам без нравственных устоев, так как при добром намерении ошибка от незнания не может иметь таких роковых последствий для общественного блага, как деятельность нравственно испорченного от природы человека, который, благодаря талантам, имеет возможность еще

более развить и скрыть свою порочность". Руссо добавляет: "вельможей может быть всякий, но быть *человеком* способен не каждый". Чтобы быть человеком в полном смысле этого слова, нужна громадная работа над собою, долгая упорная борьба против грубых животных инстинктов, неустанный рост благоговения перед Верховным Идеалом жизни. Тут-то вот и кроется главная ошибка нашего воспитания. Люди наивно думают, что стоит лишь указать детям, что правильно, что неправильно, и дети будут поступать правильно. Мы, в большинстве случаев, еще не понимаем, что нравственная польза, которая может быть достигнута воспитанием, должна являться следствием воспитания скорее сердца и воли, чем разума. Если вместо того, чтобы *вразумлять* ребенка: то, дескать, хорошо, а то дурно, вы даете ему это *почувствовать*, если вы заставляете его (собственным или чьим иным примером) *полюбить* добродетель и *возненавидеть* порок, если вы усиливаете в нем *желания* благородные и притупляете низкие, если вы вызываете к жизни дремлющее до того доброе чувство, если вы прививаете ему симпатичное *стремление*, то вы *действительно воспитываете* ребенка, вырабатываете из него *человека*. Немецкий моралист Гильти говорит: "Нельзя не признать большой педагогической ошибкой старание наполнить головы еще маленьких детей религиозными *учениями*; это столь частое явление объясняется совершенно превратным пониманием изречения Иисуса Христа. Мы действительно знаем, что Он "обнимал их и благословлял", но нигде не видим, чтобы Он обращался к ним с каким-нибудь требованием, излагал им свое учение или желал, чтобы они ему следовали (ср.: Мф. 18, 2; Мф. 10, 14-16; Лук. 18, 15-17). Дети очень нуждаются в *любви и в добрых чувствах*, но весьма мало в религиозном учении. Им же, по большей части, преподносят слишком много учения (что гораздо легче) и слишком мало примеров любви. И когда наступает время, в которое дети могли бы самостоятельно пользоваться религией, то по большей части это средство совершенно потеряло для них свою силу и знание"³.

Теперь посмотрите, к каким последствиям приводит эта неправильная постановка воспитания идущих нам на смену поколений. И в литературе, и в обществе только и речи об отсутствии высоких интересов среди молодежи, об оскудении идеалов, о полном расслаблении воли; нет идейных работников; совесть, долг, общее благо - забытые слова. Но откуда взяться и высоким идеалам, и сильным характерам, и твердой воле? На поле всходит только то, что там посеют. Молодежь становится такою, какою ее воспитывают семья, школа, самая жизнь. Цельный, нравственный характер, то есть несокрушимая власть над *собою*, нравственное самоуправление, упроченное преобладание в нашей душе благородных чувств и нравственных понятий над животными влечениями, не бывают человеку свойственны от самого рождения. Наши характеры вырабатываются не в таинственных лабораториях природы какою-то неведомою силой, а в среде окружающей жизни нами самими. Если же при воспитании юношества не обращается должного внимания на выработку характера, развивается ум, изощряются вкусы, а не воспитывается воля, - нет характеров, да и не будет, пока не изменится дело.

Тут я считаю нужным остановиться на разборе учения Шопенгауэра об интересующем нас вопросе. Знаменитый проповедник пессимизма утверждает, что характер рождается с человеком и не может быть изменен. Под изменчивою оболочкою своего возраста, своих отношений, даже своих познаний и воззрений скрывается, как рак в своей скорлупе, вполне неизменный, всегда один и тот же человек. Меняются формы проявления, в которых в различное время при различных обстоятельствах обнаруживает себя характер, но сам характер не меняется. При одинаковой степени злобы один может умереть на плахе, а другой - спокойно в кругу семьи. Та же самая степень злобы у одного народа может выражаться грубыми чертами: убийствами и каннибализмом; у другого - в придворных интригах, притеснениях и тонких каверзах изысканно, осторожно и даже элегантно. Форма различная; сущность та же. Вода, низвергается ли она, пенясь, с утеса;

³ Гильти. "Счастье", 1-е изд., с. 94

отражает ли, как тихое озеро, свои берега; брызжет ли вверх фонтаном, - все же остается водою со всеми присущими ей свойствами. Точно так же проявляется и человеческий характер: при различных условиях в различной форме, но всегда один и тот же по существу. Изменить самый характер, говорит Шопенгауэр, так же невозможно, как превратить золото в алмазы. Эгоиста нельзя освободить от эгоизма, как нельзя отучить кошку от склонности к мышам. Всякий человек при самых разнообразных условиях есть то, что он есть, и неизменно остается тем же. Если бы характер мог постепенно изменяться, год за годом совершенствоваться, то тогда более пожилые должны были бы быть заметно добродетельнее младших, а на деле этого нет.

Все эти доводы не выдерживают надлежащей критики; они доказывают не то, что характеры не могут меняться, а то, что они обыкновенно не меняются, что большинство людей не делают попытки переработать себя. Мы охотнее готовы идти проторенною, хотя и скользкою дорогой, нежели прорубить себе новый, честный и славный путь. Страшась борьбы и усилий, необходимых для борьбы с собою и с окружающими за высшие начала жизни, люди легче поступаются своими идеалами, нежели удобством и спокойствием жизни. Если же при вступлении в самостоятельную жизнь, в годы общественной службы человек над всеми идеалами, над лучшими мечтами юности поставит крест, то, понятно, под старость он не сделается образцом добродетели и, по Шопенгауэру, всю жизнь будут верен своему характеру. Нет желаний изменить характер, не пробуждено отвращения от зла, не ощущается потребности сделать внутреннее усилие, чтобы оттолкнуть от себя зло и отрешиться от него, характер и остается неизменным; но это не значит, что он не может быть изменен.

Вот если бы можно было доказать, что всякая борьба бесполезна и что человек при всем своем желании и настойчивости не может стать иным, например, эгоист - возвыситься до самопожертвования, грабитель-убийца стать милосердным самарянином, распущенный сластолюбец - строгим аскетом, - это был бы довод действительно ценный, но утверждать что-нибудь подобное нет никаких оснований. Напротив, мы знаем множество примеров, как самые закоренелые злодеи под влиянием особых условий становились подвижниками, совершали высокие по своему благородству дела. Жития многих святых, голгофский разбойник, некрасовский дядя Влас - живые свидетели, как круто может поворачивать человеческая воля.

Значит, характер не есть что-то неизменное; он есть продукт того, что нам дано от природы, и того, что сделали из данного природой материала семья, школа, общество и, главное, мы сами. Поэтому, если вам свойственны жажда идеала, святые порывы к добру, стремления к истине и если вы не хотите, чтобы все это погибло, не успевши расцвести, - чтобы жизнь заглушила, затоптала в грязь ваши золотые мечты, - работайте над своим характером, закаляйте свою волю в служении тому, что есть едино на потребу, чем красна жизнь и живы люди, стремитесь к лучшей победе, победе над собою, над низшими влечениями своей природы. "Нет более славной победы, - говорит святитель Тихон Задонский, - как победить самого себя". "Кто самого себя держит в подчинении так, что грубые инстинкты повинуются разуму, разум во всем покоряется Богу, тот, - добавляет Фома Кемпийский, - истинный победитель над собою и властелин миру".

Не скрою, эта победа дается нелегко. Евангелие говорит: "Царство Божие силой нудится", с трудом добывается. Нравственное самовоспитание, постепенное развитие духовной природы - труд, требующий настойчивых и постоянных наблюдений и упражнений над собою. Недаром Петр Великий, сознавая страстную распущенность и невыдержанность своей натуры, с горечью говорил: "усмирил стрельцов, осилил Софью, победил Карла, а себя превозмочь не могу".

Нравственно совершенная личность - это воплощение в живом человеке высоких идей любви и правды, а чем выше идея, тем больших усилий требует она для своего осуществления. Чтобы всецело овладеть ею, все наши духовные способности должны быть направлены на нее одну. Необходимо, чтобы эта идея путем медленного, постоянно

увеличивающегося взаимодействия с другими нашими идеями постепенно расширяла круг своего влияния, становилась бы руководящим центром всего строя нашей внутренней жизни. Известный художник Иванов, прежде чем создать свою знаменитую картину "Явление Мессии", двадцать с лишком лет работал над уяснением ее основной идеи, глубоко вдумываясь в сюжет, изучал все, что касалось его хоть сколько-нибудь; делал множество этюдов. Когда Ньютона спрашивали, как он открыл закон тяготения, он ответил: "Постоянно о нем думая"! В другой раз он выразился еще определеннее: "Я постоянно держу в уме предмет моего исследования и терпеливо жду, пока слабое утреннее мерцание постепенно и мало-помалу не превратится в полный блестящий свет". Словом, каждое крупное художественное произведение, выдающийся научный труд и оригинальная мысль гения рождаются не вдруг; они предварительно долго вынашиваются в уме и сердце автора, зреют годами, требуют к себе долгого, упорного, сосредоточенного внимания. Тот же самый процесс неизбежен и при выработке цельной нравственной личности. Если мы хотим, например, чтобы идеал евангельской любви и правды стал нашим неотъемлемым достоянием, претворился в нашу плоть и кровь, мы должны уделять ему особое внимание. Если он только мельком будет проходить в нашем сознании, это все равно, что его нет: он умрет, забудется, не оставив и следа. Над ним следует останавливаться с серьезным, сосредоточенным размышлением. Тогда он приобретет необходимую жизненность, с помощью таинственной магнетической силы - ассоциации идей, он притянет к себе другие плодотворные мысли, могучие чувства; сольется с ними в одно неразрывное целое. Эту работу закрепления в душе возвышенной идеи или развития идеального чувства можно сравнить с искусственным образованием кристаллов.

"Если в химический раствор, содержащий несколько различных тел в степени насыщения, мы опустим кристалл, - говорит французский психолог Пэйю, - то однородные с кристаллом частицы под влиянием таинственной силы притяжения выделяются из жидкости и постепенно сгруппируются вокруг него. Кристалл будет мало-помалу расти, и если раствор останется в полном покое недели и месяцы, получится один из тех великолепных экземпляров, которые по своей красоте и объему составляют радость и гордость химических лабораторий.

То же и в психологии. Возьмите любое психическое состояние, выдвиньте его в вашем сознании на первый план, продержите так подольше - и незаметно, путем такого же таинственного сродства, как и химическое, вокруг него сгруппируются однородные с ним идеи и душевные движения. Получится властное, могучее чувство, которому рабски будет подчиняться воля. В сравнении с ними все остальное отойдет на второй план. Даже низкие, постыдные чувства, если мы поддаемся им, могут приобретать над нами неограниченную власть"⁴. Припомним хотя бы пушкинского "Скупого рыцаря" в подвале среди освещенных груд золота. Он говорит:

Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла?..
Нет, выстрадай сперва себе богатство.

У Дрилля в его книге "Преступность и преступники" приведен целый ряд личностей, у которых влечения низшего порядка господствуют над всем существом и определяют их обладателя к соответствующим действиям. Некто М., например, всю свою жизнь посвятил на служение желудку. Он изъездил все местности Франции, хоть чем-

⁴ Пэйю. "Воспитание воли"

либо замечательные по съедобной части. Он усердно изучал физиологию пищеварения, а также историю и путешествия, но исключительно только с кулинарной точки зрения. Он прекрасно знал и любил рассказывать, в каком году, при каком короле, что из съедобного, кем и откуда вывезено. Кроме гастрономии он ни о чем не говорил и искренне уважал только гастрономов и поваров. Другой подобный же господин в шесть лет проел состояние, которое одного только дохода давало ежегодно полмиллиона рублей. Он имел агентов в Мексике, Китае, Канаде и пр., которые высылали ему лакомые кусочки. Оставшись с гинеей в кармане, он купил себе бекаса, зажарил его по всем правилам кулинарного искусства, дал желудку два часа на приятное пищеварение и, насладившись им в последний раз, пошел и утопился. Смысл жизни без денег для удовлетворения требований всеильного желудка для него был исчерпан, и он прекратил свое существование.

Если подобные низменные влечения при всей своей неприглядности могут налагать резкий отпечаток на все духовное существование человека, стать исходною точкою зрения, с которой оцениваются все явления жизни, то тем более чувства высшего порядка, стремленья к нравственному совершенству могут направить нашу деятельность в одном направлении, если мы возьмем труд сосредоточиться на светлых идеалах добра и правды, проникнуться ими. Евангелие дает нам совершеннейший идеал жизни. Нравственный облик человека, воплощенный в Божественном Провозвестнике любви, дышит чарующей духовною красотою. Имейте этот идеал и образ всегда перед глазами, и характерные черты их запечатлеются в вашей душе. Замечено, что супруги, которые в тесном взаимообщении провели долгие годы, не только характером и привычками, но даже лицом становятся похожи друг на друга. Так могущественно действует на человека частое повторение одних и тех же впечатлений. Пусть же поэтому впечатления, вынесенные вами из знакомства с Евангелием, не будут случайными, отрывочными, мимолетными. Чем чаще вы будете в положении Марии у ног Иисуса, чем более часов вы проведете в глубоком раздумье над страницами евангелистов, тем знакомее, и ближе, и дороже вам станет образ Христов, тем живее и ярче характерные особенности его будут проявляться в вашем нравственном облике. Раз за разом, словно под ударами резца гениального скульптора, будут сглаживаться и выравниваться шероховатости уродливости вашего характера, пока ваш собственный внутренний образ, переходя от свойства в свойство, от низшего в высшее, от высшего в еще более лучшее, медленно и постепенно не преобразится в совершенный образ Христов.

Созидающийся же в нас образ Христа должен быть преимущественной задачей нашей жизни: и жизни личной, и общественной. Ведь если современная нам жизнь по своему складу еще далека от нравственного совершенства, если она нередко омрачается грубыми проявлениями насилия, бесстыдства и недобросовестности, то это тем и объясняется, что нет среди нас достаточно людей, которые в своем характере воплотили бы образ Иисуса, воспитали бы свою волю в служении Его словам. В нашей частной и общественной жизни громадный недостаток отражения Христа. На носителей Его идей повсюду постоянный, никогда не удовлетворимый спрос. Поэтому всем, в ком не заглохла искра Божия, кого не захватила целиком утроба, - вот великое святое дело: проникнитесь евангельским светом, несите в мир Христову правду, стройте жизнь на началах, возвещенных Спасителем. Пусть в жизни тьма, вы будьте светом миру.

Та или другая специальность, тот или другой род службы тут безразличны. Каждый и каждая из нас, прежде чем вступить на общественное дело, должны быть человеком в истинном смысле этого слова. Чтобы быть полезным деятелем, надо быть нравственно воспитанною личностью. Необходимым началом человеческого величия, в какой бы форме оно ни проявлялось, должно считаться нравственное достоинство. Важно, собственно, не то, у какого вы дела стоите: совершаете ли подвиг, или несете скромный, повседневный, заурядный труд; важно, чтобы вы всегда и везде являлись верными заповеди Спасителя: "будьте солью земли, будьте светом мира"; важно, чтобы вы на

всяком месте, во всякой среде оказывали на всех окружающих благотворное влияние, заставили силою своего примера полюбить добро и правду, научили их по достоинству ценить нравственную красоту жизни. "Едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте во славу Божию", - увещевает апостол (1 Кор. 10, 31). "Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного", - говорил Иисус Христос (Мф. 5, 16).

Всякое уклонение от этой заповеди является уже изменой долгу, ослабляет нашу нравственную энергию, оказывает разлагающее влияние на всю нашу дальнейшую жизнь. Капля болотной грязи, попавшая в чистый ключ или ручей, будет неприметна для глаза, но, растворившись в кристалльных струях, внесет в них некоторую муть и может послужить источником множества болезнетворных грибков или бактерий. Таков естественный закон, действующий равносильно как в физическом, так и в духовном мире. Потому будьте внимательны к себе даже в отдельных частных случаях. Яд, в каких бы дозах он ни принимался, все же яд, и зло всегда есть зло, хотя бы и казалось незначительным. Струна, ослабнув во время игры хоть на секунду, тотчас дает фальшивый звук и тем портит впечатление всей пьесы. То же следует сказать и о нравственной гармонии человеческого духа. Мы обыкновенно привыкли слишком легко относиться к нашим отдельным мелким слабостям и недостаткам; между тем они имеют весьма серьезное значение. Подобно тому, как Альпы и Гималаи состоят из ничтожных песчинок, безбрежные океаны - из крохотных капель, так и жизнь слагается из отдельных мелочей. Герои ведь рождаются веками и подвиги совершаются не каждый час, а жизнь тем временем идет своею колею, неся с собою обычные, повседневные нужды и заботы. Вот в своих отношениях к этим-то житейским мелочам человек, строго говоря, и познается вернее всего. Тут, так сказать, каждая пушинка показывает направление ветра, ничтожная соломинка определяет течение реки... "Верный в малом, - говорит Спаситель, - и во многом верен, а неверный в малом, неверен и во многом" (Лк. 16, 10).

Несколько лет тому назад при раскопках Помпеи был открыт римский воин в полном вооружении с копьем в руке и с опущенным на лицо забралом. Очевидно, стоя на часах, воин видел надвигающуюся на него неминуемую смерть, но, верный своему долгу, остался неподвижным на своем посту, только опустил забралом, чтобы не видеть творившихся вокруг ужасов, и так, занесенный на месте пеплом, простоял до наших дней. Несомненно, это один из бесчисленных, неведомых миру героев, деяния которых, совершись они при иной, более удобной обстановке, заносятся на страницы истории в назидание потомкам. Не погибни он в Помпее, жизнь его, если бы ему и не выпало на долю совершить громкий подвиг, во всяком случае была бы жизнью мужественного, верного своему долгу, человека.

Поэтому помните, что вам, может быть, никому не предстоит в жизни совершать великие дела, но все вы можете и должны честно выполнять свое назначение: внести в жизнь ту долю добра и справедливости, которая соответствует вашим природным способностям. Повторяю, быть героем дано не каждому, да и у кого есть данные к тому, не каждый день является нужда в подвигах или случай для них, но все мы можем быть добрыми, честными людьми, носителями высших идеалов жизни, работниками в деле созидания Царства Божия на земле. И если вы хотите честно выполнять свое назначение в мире, готовьтесь к нему, работайте над собою, чтобы вам быть достойными той великой цели, ради которой вы вызваны из небытия к бытию Высшей Волей. Знайте, что силы нравственные, как и физические, растут благодаря упражнениям. Чтобы свободно вращать пудовые гири, надо начать с упражнений фунтами; без этого не станешь вдруг атлетом. Поэтому неустанно работайте над своею волею, упражняйте ее в стремлении к добру и правде; не упускайте ни одного случая дать ей проявить себя с идеальной стороны. Кто знает, может быть, отдельный ничтожный случай затронет в тайниках вашей души лучшие, вам самим неведомые струны, и вся ваша жизнь будет одним победным гимном

любви к Богу и к людям. Евангелие отмечает несколько поразительных в этом отношении случаев. Возьмем, например, хотя бы обращение Закхея (Лк. 19, 1-10).

Иисус Христос, окруженный густыми толпами народа, проходил через Иерихон. Пользуясь случаем, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, но не знал, как это сделать. Подойти близко он не решался; считал себя недостойным. При одном воспоминании о прошлом густая краска стыда заливала лицо Закхея, и у него мучительно щемило сердце. Место ли ему, грабителю народа, разорителю слабых и беззащитных, подле Великого Учителя любви и правды? Нет, Закхей согласен скорее провалиться сквозь землю, нежели стать подле этого неимущего Праведника и видеть на себе взгляд Его чистых очей, которые, говорят, проникают до глубины души и читают сокровенное в сердце. А видеть неудержимо хочется. Закхей столько слышал о благодати, о святости проходившего теперь чрез Иерихон Иисуса, что вся душа его рвалась к Нему. И в своей жизни, и в жизни других людей Закхей видел так мало правды, что дорого бы дал, лишь бы взглянуть на Того, Кто Сам был Истина и истине учил других. На горе Закхей мал ростом и не может за людьми издали видеть Иисуса. Тогда он побежал вперед, влез на смоковницу при дороге и ждал, когда Иисус пойдет мимо. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел Закхея и сказал ему: "Закхей! Сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме". Закхей, не помня себя, ринулся с дерева и с радостью принял Иисуса у себя. Немногих слов Спасителя было достаточно, чтобы сердце Закхея мгновенно переродилось. Мысль, что Иисус - Величайший Праведник не гнушается им, бесчестным лихоимцем, словно молния, озарила его темную душу. Закхей воспрянул духом. Пусть другие продолжают презирать его, как обидчика, грабителя и лиходея, Закхею стало ясно, что для него не все еще погибло перед Богом, что внутри его сохранилась какая-то искра Божия, которая дорога его Великому Гостю и которая теперь станет ценным достоянием всей дальнейшей, жизни Закхея. Все, ради чего Закхей прежде так нагло попираал добро и правду, теперь в его глазах утратило ценность. Ему важно одно: сохранить за собою то благоволение, с каким неожиданно отнесся к нему Иисус. И Закхей, как говорится в Евангелии, "став, сказал Господу: Господи! половину имения моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо. Иисус сказал ему: ныне пришло спасение дому сему" (Лк. 19, 8-9). Десятки минут тому назад, влезая на смоковницу, чтобы хотя издали видеть проходящего Иисуса, думал ли Закхей, что с ним произойдет такая перемена?

Есть старинное индийское сказание, как некий отец, сорвав с ветвистого дерева зрелый плод, разломил его пополам и затем, показывая середину сыну, спросил его, что он там видит. - Несколько маленьких семян, - быстро ответил сын.

- Возьми одно из них, перекуси и скажи, что у него в середине?

- В середине ничего нет, - недоумевая, заметил мальчик.

- Сын мой, - мудро заметил ему тогда отец, - внутри зерна, там, где ты не видишь ничего, сокрыта возможность жизни могучего дерева; плодами его могли бы наслаждаться сотни людей, если бы только зародыш пал на добрую почву и пустил росток.

И сколько таких вот зародышей добра гибнет в любом из нас потому только, что мы легкомысленно, как дети, не видим в них ничего, не придаем им значения! Сколько глохнет святых высоких чувств, потому что мы не останавливаемся на них с должным вниманием, не даем им развиться и окрепнуть в нас! И вот с годами грубеет чуткое, отзывчивое сердце; реже вспыхивают добрые порывы, не свершаются возможные дела любви и правды, а жизнь так бедна ими, так нуждается в них.

III. Нравственное вырождение

"Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимущего отнимется и то, что он имеет". (Мф. 25,29).

Если, по словам псалма Давидова, только безумные могут в сердце своем отрицать Бога, то не умнее их и те, которые путем логических доказательств надеются переубедить неверующих. Приводить доказательства в области религии и веры - неблагодарное, сомнительное дело. Это все равно, что говорить слепому о Божественной красоте рафаэлевской Мадонны, толковать глухому о нежных мелодиях Россини и Моцарта. И слепой, и глухой, может быть, охотно поверят вам на слово, согласятся, что все это действительно так, но сами не переживут ваших впечатлений, в своем сердце не испытают тех волнений, которые тронули, умилили вас. То же и с истинами веры. Пусть пред лицом неверующих будет выстроен длинный ряд самых блестящих неотразимых доказательств в пользу истин религии, это нимало не приведет их к вере. Они могут согласиться, что вера разумна, но сами не в силах будут верить. Признать разумность веры и на самом деле верить - две совершенно разные вещи. Между тем, что составляет предмет рассудка, действует на мысль, и тем, что составляет предмет сердца, влияет на волю, лежит большая пропасть. Можно согласиться с первым и не покориться второму; а чтобы верить *вполне*, надо верить не разумением только, но всем *сердцем* и всею *душою* (Мф. 22,37).

Философ Фихте говорит: "наша *система мыслей* есть часто только *история нашего сердца*", то есть люди хотят чего-либо не так, как *думают*, но *думают* так, как *хотят*. Поэтому наша вера, или наше неверие большею частью есть отражение нашего нравственного настроения. Иисус Христос так именно и объяснял своим противникам, книжникам и фарисеям, причину их неверия в божественность Его миссии. Он сказал им: "вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира... Кто от Бога, тот слушает слова Божий. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога" (Ин. 8, 23 и 47).

Христианство есть добрая весть спасения всему миру, ибо весь мир, как говорил Спаситель, во зле лежит. Путь спасения от этого общемирового зла открыл Иисус Христос своим учением и своею жизнью, и кто тяготился этим злом, не мирился с существующим строем жизни, стремился воплотить правду Божию на земле, тот внимал словам Христовым, следовал им. Для тех же, кто чувствовал себя хорошо в этом мире или, по крайней мере, рассчитывал наличными средствами улучшить будущее, смысл христианства оставался темным. Для таких людей проповедь Христа была немым словом, потому что они не видели того зла, от которого Христос пришел спасти мир. А не видели они его и не видят потому, что они сами от сего мира, совсем одержимы мировым злом, не хотят возвыситься над ним, отрешиться от него.

Миллионы людей до такой степени поглощены заботами о материальном благополучии, что им прямо некогда подумать, какими, собственно, мотивами они руководствуются в своей деятельности, высока или низка ценность самых этих мотивов и вообще, что такое они сами в себе, какое положение они занимают в гражданской, общественной и религиозной Жизни, и соответствует ли это положение сколько-нибудь требованиям, какие сами собой вытекают из идеи человеческой личности? Такие люди обыкновенно теряют даже вкус к высшим вопросам и заниматься ими считают поэтому делом пустым, совершенно не свойственным *деловому человеку*.

Другие, при полной материальной обеспеченности и при совершенной свободе от всяких деловых занятий, увлечены целиком погоней за удовольствиями и внешними радостями жизни. Самоотверженная работа на общее благо им представляется сумасбродством фантазеров-мечтателей; высшие требования нравственности - ненужным стеснением свободы действий. "Жизнь улыбается, - говорят они, - манит к себе, сулит блаженство; к чему тут серьезные лица, какие-то вопросы о целях и задачах жизни? Здоровья, средств избыток; живи и жить давай другим!"

С таким мировоззрением люди, понятно, не могут иметь искреннего сердечного влечения к христианству, как к голосу, призывающему человечество от эгоизма грубой животной природы к воплощению в себе и в ближних высшей любви и правды Божией. Они ушли целиком в земное и даже не мечтают о небесном. Голос Христа не находит доступа к их сердцу, не будит в них недовольства собою, не призывает их к внутренней

работе. Они духовно не растут, а если организмы не растут, они неизбежно должны ухудшаться. Это закон природы, одинаково действующий и в мире физическом, и в мире духовном.

Мир неорганический инертен, неподвижен, свободный от воздействий извне, он неизменно сохраняет свою устойчивость. Иное дело мир органический: живые существа подвижны. Еще древнегреческий философ Гераклит учил, что как нельзя дважды войти в одну и ту же струю, которая постоянно сменяется в потоке, так нельзя дважды, то есть в два различных момента времени, быть в одном и том же теле, находиться в одном и том же состоянии. "Наши тела, - говорил он, - текут, как ручьи; материя вечно возобновляется в них, как вода в потоке. Двигается, изменяясь, и наше сознание".

При такой постоянной смене материи в теле и чувствований в духовном мире чрезвычайно трудно, чтобы не сказать, невозможно живым организмам сохранить равновесие; в них жизнь идет или вверх, или вниз: организмы или совершенствуются, развиваются, или вырождаются, делаются хуже. Возьмите любое растение; при надлежащем, умелом уходе оно может быть изменено к лучшему до неузнаваемости: и форма, и окраска, и запах цветка станут совершенно иными. То же самое повторяется над животными. В Англии есть знаменитые птицеводы, которые в три года берутся создать для голубя какой угодно цвет перьев, а в шесть лет могут переработать голову и клюв. При соответствующем знании и настойчивом труде, они придают птице, а равно и животному все лучшую и лучшую форму. Наоборот, когда заботливый уход о растениях или животных прекращается, они обязательно ухудшаются, дичают. Всеобщий закон природы таков: под воздействием соответствующей культуры организмы совершенствуются, без нее - вырождаются. От влияния его не свободен и человек, как со стороны своей физической, так и со стороны своей духовной организации.

Когда культурный европеец, выкинутый после кораблекрушения на пустынный остров, бывает вынужден несколько лет пренебрегать заботами о своем теле, он по виду вырождается в грубого дикаря, полуживотного-получеловека. Если подобным же образом человек будет лишен возможности заботиться о развитии своего ума, он опустится умственно, отупеет, может даже дойти до идиотизма. Печальным доказательством тому служат одиночные заключения на долгие годы: они нередко делают из заключенных идиотов. Тот же самый процесс вырождения, при отсутствии надлежащей культуры, происходит и в нравственной природе человека. Если мы будем пренебрегать духовными потребностями, перестанем прислушиваться к голосу совести, мы станем людьми порочными, утратим всякое нравственное чувство. С течением времени это нравственное чувство совершенно замрет; человек не только не будет духовно расти, совершенствоваться, но лишится самой способности воспринимать и отзываться на все нравственно прекрасные впечатления. Получится тип откровенного хищника, нагло попирающего все святое; все возвышенное, истинно человеческое будет атрофировано, останется одно злое животное, вооруженное силою ума и могуществом науки. Апостол Павел вполне законно и основательно спрашивает: "как мы избежим, вознерадев о толиком спасении, которое быв сначала проповедано Господом, в нас утвердилось слышавшими от Него?"... (Евр. 2, 3).

В природе (физической, равно и духовной) существует закон, по которому всякий орган, не развиваемый, не упражняемый, постепенно ослабевает и наконец атрофируется, совершенно парализуется и даже исчезает. Известно, например, что в огромных пещерах австралийской провинции Карнеолии и американского штата Кентукки живут целые особенные породы крыс, насекомых, лягушек, раков и даже рыб, так как в этих пещерах находятся подземные озера и реки. Все эти животные, принадлежащие к самым различным отделам и классам, находятся между собою в том отношении, что все они совершенно слепы. У тех, которые живут поближе к самому входу в пещеру, глаза существуют, но ничего не видят; а у многих других, живущих в самой глубине пещер, нет даже признаков органа зрения, не существует глазных впадин. Очевидно, туда, под своды

пещер, целые века не проникал ни один луч света; рыбы и крысы никогда не пользовались органом зрения, и он сначала ослабел у них, парализовался, а потом и совсем исчез⁵. Орел, живущий на горных вершинах, изощрил свое зрение до того, что свободно смотрит на солнце, а у рыб Мамонтовой пещеры не осталось даже и следа глазных впадин. То же и с духовным зрением. Просветленное, нравственное чувство дает человеку возможность слышать в себе голос Божества. "Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят" (Мф. 5, 8). Нерадение же о нравственном самосовершенствовании приводит к духовной слепоте, к полному притуплению самого даже чутья ко всему доброму, высокому, святому. О людях подобного рода Иисус Христос замечал: "и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите - не уразумеете, и глазами смотреть будете - и не увидите, ибо огрубело сердце людей сих и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы Я исцелил их" (Мф. 13, 14-15). После этого становятся понятны и слова притчи о талантах: "всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что он имеет" (Мф, 25, 29).

У каждого из нас есть свои запросы сердца, духовные потребности. Эти потребности - самый дивный и священный наш талант. Умейте его ценить, старайтесь развить и приумножить. Не заглушайте в себе добрых порывов, послушно следуйте влечению своего юного, пока еще чистого, не оскверненного житейской пошлостью и грязью сердца. Берегите в сердце искру Божию; задуть ее нетрудно, но помните: когда огонь потухнет и ветер жизни самый пепел разнесет, тогда уже не раздуешь пламя.

"Светильник для тела есть око, - говорит Спаситель, - и если око твоё чисто, то и все тело светло, а если око будет худо, то и все тело будет темно". Если же источник света потемнеет, то какова будет тьма? А как мы сможем избежать этой тьмы, если станем пренебрегать тем светом, который дал нам Иисус Христос?

"Знай и помни,- учил древний мудрец Эпиктет, - что если люди бывают несчастны, то в этом они виноваты сами, потому что Бог создал всех людей для счастья, а никак не для того, чтобы они были несчастны. Бог поступил с нами, как добрый Отец; по Своей благодати Он дал в нашу собственность все, что ведет к истинному благу". И если при всем том жизнь наша складывается неудачно, тяготит нас,

Как ровный путь без цели,

Как пир на празднике чужом,

значит мы неумело, неразумно пользуемся ею. И действительно, мы поразительно легко, даже преступно относимся к вопросу об устройении своей жизни. Спенсер говорит: "можно подумать, что большинство людей задается целью прожить жизнь так, чтобы потратить как можно меньше мысли". Ни один подрядчик не возьмется хлева построить без предварительного расчета, сметы и других соображений; ни один каменщик не положит ряда кирпичей без того, чтобы не выверить его ватерпасом, а мы сплошь и рядом строим всю свою жизнь, не задумываясь ни над какими вопросами о смысле и значении ее, не имея никакого критерия для оценки нормального, разумного течения ее. Что тут удивительного, если подобные постройки часто терпят крушение и под своими развалинами тяжело ломают нас? Как мы можем избежать этого, если пренебрегаем единственным планом жизни, указанным нам Иисусом Христом?

Положим, пока мы молоды и легкомысленны, пока у нас есть средства, красота, здоровье, мы, и не задаваясь никакими вопросами, может быть, устроим себе жизнь легкою, веселою, приятной; но надолго она не может нас удовлетворить: рано или поздно она неизбежно покажется "пустою и глупою шуткою". Что бы мы ни говорили, как бы мы ни отвлекали свои мысли от высших запросов духа, а человек все же не хлебом одним будет жить. У каждого когда-нибудь да наступит момент, когда он вместе с поэтом вынужден будет сказать:

⁵ Витковский. "За океан", с. 252

Живя, я жить хочу не в праздном упоении,
Боясь себя: "зачем?" пытливо спросить,
А так, чтоб в каждом дне, и часе,
и мгновеньи

Таился б вечный смысл, дающий право жить.

Пессимизм, подобно ржавчине, все более и более разъедающий современную жизнь, тем именно и объясняется, что мы одним крылом высоко парим под небесами, а другое беспомощно волочим среди житейской пошлости и грязи. Отсюда неизбежный внутренний разлад, недовольство собой и жизнью, и нередко преждевременный насильственный расчет с последней. Но жизнь, как бы она печальна ни казалась, всегда дороже куска свинца или глотка синильной кислоты. Нужно только постигнуть истинный смысл ее, уразуметь начало, управляясь которым, она получает необычайную ценность.

Нам, имеющим Евангелие и признающим его, этот смысл, казалось бы, должен быть ясен с раннего детства. Думалось бы, что всякий, называющий себя христианином, иначе и не может мыслиться, как человеком, устрояющим свою жизнь по завету Христа. Но действительность показывает совсем иное. Тут мы встречаемся с одним из тех безотрадных противоречий жизни, когда здравый смысл ходит буквально вверх ногами. Недопустим солдат, не знающий военного устава; немыслим юрист, не знакомый со сводом законов, и явление заурядное - *христианин*, не понимающий основ истин учения *Христа*. Вы не найдете ни одного человека, окончившего хотя бы начальную школу, который не знал бы басен Крылова, и встретите сотни людей, с ученым дипломом, которые не в состоянии вам будут передать содержание Нагорной проповеди Иисуса Христа. Возможен ли интеллигент, не читавший Пушкина, Гоголя, Толстого? А сколько их найдется, которые не знают даже имен четырех евангелистов!

Заучивши на школьной скамье несколько фактов из жизни Иисуса Христа, мы самодовольно считаем себя достаточно ознакомленными с Евангелием и затем часто всю жизнь не берем его в руки. Что сказали бы мы о том, кто, узнавши ряд эпизодов из жизни Сократа, Бэкона, Спинозы, Гегеля и Канта, на этом основании стал бы признавать себя философом или, по крайней мере, знатоком философии? А христиан, подобных таким философам, вы встретите миллионы. Что удивительного после этого, если они при всем блеске, культуры остаются по своей духовной природе грубыми зверями, если они не верят в лучшее будущее человечества, в братство народов, в возможность Царства Божия на земле; если они не хотят работать на то, чтобы большинство стали образом и подобием Бога, чтобы осуществилось светлое преображение человека-зверя в Сына Небесного Отца. Как мы можем избежать обычного нам нравственного озверения, если не проникнемся духом Евангелия, если не поймем и не прочувствуем величие этой книги как основы жизни?

Одно из самых печальных заблуждений человеку - это суетное самодовольство своим нравственным образом. Подобно фарисею евангельской притчи, мы не раз в душе повторяем, любуясь собою: "Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди" (Лк. 18, II). И до некоторой степени мы имеем основания к тому, окруженные отовсюду нравственными убожествами, и, естественно, можем не заметить своего духовного уродства. Но воспроизведите перед собою нравственно-величавый образ Божественного Учителя любви и правды, и впечатление от внутренней самооценки тотчас резко изменится. В нашем сознании ярко выделится вся грубость наших инстинктов, вся низость наших стремлений, жалкая пустота и пошлость жизни; вместо гордого самодовольства фарисея, мы, подавленные гнетом сознанной в нас нравственной грязи, вместе с евангельским мытарем, смиренно склонив голову, будем молить: "Боже, милостив будь к нам, грешным!" А сознание своих недостатков уже есть шаг к исправлению их.

Удивительно, право, не проходит дня, чтобы мы несколько раз не оглядели себя в зеркале с ног до головы: нет ли какого недостатка в костюме, не запачкано ли наше лицо,

и вместе с тем целыми годами, иногда всю жизнь, мы ни разу не проверим чистоту и опрятность своего нравственного облика, не противопоставим себе, как зеркало, совершенный образ Христа, запечатленный в Евангелии. Прочтите следующие строки из "Обращения товарища к студентам", в которых живо отразилось светлое настроение, вынесенное из непосредственного знакомства с Евангелием: "Товарищи! Если мы высоко ценим какого-нибудь мыслителя, то мы стараемся знакомиться с его мыслями, с его взглядами. Мы охотно перечитываем его труды. Его сочинение является украшением нашего стола. Почему, спрашиваю, мы, люди развитые, умные, образованные, любящие добро, истину, справедливость, восхищающиеся братскою любовью, мы так мало интересуемся Тем, Кто более всего сделал для этой идеи? Мы так непростительно мало интересуемся Иисусом Христом. Ведь Он дал нам свое учение. Он жил и умер из-за любви к людям. И между тем у нас нет даже простого любопытства к чтению Его учения. Почему Евангелие не украшает нашего рабочего стола? Почему чтение Евангелия у нас в забросе? Почему человек, читающий Евангелие, среди учащейся молодежи считается ханжой?" Мы ищем истину, но как можем найти ее, если пренебрегаем Евангелием - источником ее? Чтобы видеть солнце, надо поднять взор к небу, а чтобы познать путь жизни, надо обратиться ко Христу. Нигде вы не найдете такого ясного и полного ответа на все запросы духа, как в Евангелии, в учении Того, Кто сказал о себе: "Я - истина и жизнь".

Раскройте для начала в Евангелии от Матфея 5, 6 и 7 главы и не только *прочтите*, а *перечтите*, продумайте значение каждого стиха, даже каждого слова, и вы удивитесь, как мудро и в то же время просто, до осязательности ясно, здесь разрешаются самые сложные, роковые, жгучие вопросы жизни. Возьмите, например, основную задачу нравственной философии - вопрос о назначении человека, вопрос о том, чему и как должны мы посвятить все силы души и тела, всю нашу жизнь. В различные времена у отдельных народов, в разных классах общества на поставленный вопрос мы встречаем самые разнообразные, несходные ответы. "Если бы могли сравнить воздушные замки простого земледельца и гениального мыслителя, - говорит один английский философ, - то открыли бы в постройке этих замков поразительную разницу". Но так как истина одна, то среди множества разноречивых ответов на вопрос о цели жизни верный ответ может также быть один. Этот ответ дан нам в Евангелии. Здесь он формулируется в трех словах, продумавши которые, нельзя не прийти к мысли, что иного более разумного и совершенного ответа нет и быть не может.

Иисус Христос, объясняя своим ученикам их назначение в мире, говорит: "Вы - соль земли" (Мф. 5, 31). Соль, как известно, употребляется в пищу для улучшения вкуса и для предохранения ее от порчи. Без соли самые лучшие продукты питания недостаточно вкусны и самая свежая провизия обыкновенно скоро загнивает. И вот, чем соль является для пищи, тем, по словам Иисуса, должно быть Евангелие для жизни, последователи Его - для человечества. Дальнейшее существенное улучшение жизни возможно только при условии проникновения ее духом евангельской любви и правды, осуществление наших заветных дум и святых мечтаний о всеобщем счастье мыслимо не иначе, как при постоянной и неослабной работе над созданием Царства Божия внутри себя и в сердцах ближних. При отсутствии этих условий в жизни человечества самые блестящие успехи цивилизации будут мнимыми, кажущимися, а не действительными, прочными и нерушимыми. Жизнь горьким опытом убеждает нас в этом на каждом шагу.

Задумывались ли вы когда-нибудь над такою мыслью: сколько на земле есть чудных стран с роскошною природой, благодатным климатом и плодородной почвой, где все, казалось бы, создано Богом для радостной, отрадной жизни и где, однако, как и всюду, льются слезы, слышатся стоны, раздаются проклятия жизни! Как изумительно быстро возросли и возрастают всевозможные удобства жизни, а счастье оттого не делается ближе и доступней. Мрачная философия Шопенгауэра и Гартмана, проповедующая, что жизнь есть зло, а смерть - высшее благо, - продукт нашего времени. Отчего все это? При

наличности самых разнообразных многочисленных данных для счастья человека на земле, чего еще не хватает?

Не хватает самого главного - того, что Иисус Христос называет *солью земли*: не хватает евангельской любви и правды в людях. Без них же жизнь и в богатейших столицах мира, в роскошных палатах за зеркальными стеклами будет не счастливее жизни в палатке бедуина или даже в юрте эскимоса. Удобств будет, конечно, больше, но счастья они не принесут. Прочтите любопытную статистику из "Очерков Марокко" Эдм. Амичиса.

"Сегодня, - говорит автор, - я имел весьма оживленный разговор с одним мавром-негоциантом. Завел я спор, желая узнать, что он думает о нашей цивилизации, так как он много путешествовал и имел случай познакомиться с ней лично.

- Что скажете вы о наших больших городах? - спросил я.

Он пристально взглянул на меня и холодно отвечал:

- Что скажу?.. Большие улицы, магазины, дворцы... все очень чисто. - А больше разве нет ничего хорошего? - спросил я с нетерпеливым жестом. - Неужели вас не поразило превосходство нашей общественной жизни над вашей? Чем же после этого поразить вас?

- Не горячитесь, - отвечал мне собеседник. - В чем, вы полагаете, ваше преимущество? Не в честности ли? так это напрасно. Мы честнее вас. Правда, мавры обманывают европейцев *иногда*, но европейцы мавров *постоянно*.

Тогда я свел разговор на наш комфорт.

- О да, знаю! - засмеялся мавр. - Как же, на это вы действительно мастера...

Тут он начал комическим тоном перечислять:

- Солнце - зонтик; дождь - зонтик; пыль - перчатки; ходить - тросточка; смотреть - очки; сидеть мягко - пружины; палец заболит - доктор; смерть - памятник... Сколько вещей, без которых вы не можете обойтись. Что вы за люди! Вы настоящие взрослые дети!.. Нет, - заключил он, - не поменялся бы я положением с вами. *Комфорта у вас больше, но вы не счастливее нас*"⁶.

Остановите затем свое внимание на следующем сопоставлении. Краснокожие индейцы представляют себе загробную жизнь, как продолжение земной. Великий Дух, так веруют они, перенесет их в поля, богатые дичью. Точно так же воинственные маори Новой Зеландии представляют себе жизнь после смерти, как непрерывный ряд битв, из которых блаженные вновь и вновь выходят победителями. Древние германцы питали те же надежды. Эти примеры показывают, что названные народы на самых низких ступенях культуры, сравнительно с нами, были гораздо довольнее своей жизнью. Они и загробный мир, который обыкновенно у всех народов различных религий рисуется самыми радужными красками, представляли себе только более усовершенствованным, улучшенным продолжением их земного существования. Спросите теперь самих себя, удовлетворились бы мы за гробом, хотя сколько-нибудь, нашим усиленным настоящим бытием? Вздумает ли, например, рабочий представлять себе загробную жизнь, как бесконечно длинную прядильню; солдат - как ряд нескончаемых парадов, походов и маневров; чиновник - как один беспредельный департамент; купец - как обширнейшие магазины и склады товаров?

Не говорит ли все это ясно и красноречиво, что прогресс современной цивилизации, основанный на началах экономического материализма, несет, главным образом, только внешние удобства жизни, и один он, без нравственного перерождения человека, без переустройства общества на началах евангельской любви и правды, сделать жизнь человеческую и светлую, и отрадную не в силах? Без евангельского учения жизнь, что пища без соли, не может иметь надлежащего "вкуса", удовлетворяющего нас характера; она неизбежно должна портиться, разлагаться, деморализоваться. А как мы можем избежать этого, если будем пренебрегать спасением, которое проповедано Господом Иисусом? Как мы можем внести благородство в мир пошлости, праздно-суе-люб-ности?

⁶ "Очерки Марокко", с. 144-146

мир эгоизма, свет истины в мир зла и неправды, если мы сами чужды им, не разумеем полноты их смысла, не чувствуем на себе обаяния их чарующего величия? Познать и перечувствовать, что такое - добро, любовь и истина, можно только читая и изучая Евангелие, то есть познавая Христа. "Познайте истину, - говорит Христос, - и истина освободит вас".

IV. Величие Евангелия

"Сказал Иисус уверовавшим в Него... если пребудете в слове Моем... познаете истину, и истина сделает вас свободными". (Ин. 8,31-32).

Существует общеизвестный афоризм, который гласит, что всякий человек по самой природе своей философ. Смысл этого афоризма тот, что человек, как существо мыслящее и разумное, на какой бы низкой степени умственного развития он ни находился, не может не задаваться некоторыми вопросами, то или другое решение которых составляет попытку познать истину, то есть философию. Вопросы эти о смысле жизни и о назначении человека.

О, разрешите мне жизни загадку,
Вечно тревожный и страшный вопрос.
Дайте ответ мне, что тайна от века?
В чем состоит существо человека?
Что он такое? Куда он идет?
Кто там, вверху, над звездами живет?

Так с мольбою вопрошает юноша в известном стихотворении Гейне. Юноша этот - символ всего человечества, а его вопросы - старые, но вечно новые вопросы всех мыслящих людей. Над разрешением их томилась и томятся люди всех стран и времен. Томится над ними и могущественный царь-властелин многих народов; томится и вечный труженик-пахарь, бредущий за сохой по своей скудной кормилице ниве; пытливо решает их гениальный ученый - великий мудрец, прославляемый миром; ломает голову грубый дикарь, простодушный сын лесов или пустыни, внимая в себе смутному голосу Великого Духа.

В уяснение этих вечных недоумений ума и сердца лучшими людьми мира еще в глубокой древности в мудрой Элладе, под тенью пирамид Египта, на берегах широкого Ганга, под знойным небом Аравии на камнях скал, на свитках папируса, на медных таблицах, на кусках козьей и овечьей кожи было написано громадное множество обширных книг, отдельных изречений и всякого рода законов, правил, наставлений. Сотни величайших умов напрягали все усилия, чтобы раскрыть запечатанную книгу жизни, разрешить мрачную загадку бытия, но жизнь по-прежнему, подобно сфинксу, упорно хранила свою великую тайну. До времени Иисуса Христа искомая истина не давалась людям словно клад: человечество искало ее не там, где должно.

Люди сознавали, что без Высшего Существа они не могут мыслить ни себя, ни мира; но только Божество древнему миру представлялось в извращенном виде. Языческая древность с сорока веками своего культурного развития не в силах была подняться выше физического мира. Религиозное мировоззрение древних народов искало Бога в разнообразии мира, в звездах неба, в силах земли; преклонялось пред величием героев, возводя их в сонм богов⁷. Идея божества здесь принижалась до последней степени. От

⁷ Исключение составляла горсть философов, отрицавших народную мифологию; но и философы боролись только против человекообразного представления божества; против многобожия, высказывали мысль о необходимости признания единого Бога; о самом же Божестве они решительно отказывались дать какое-нибудь определенное понятие. "Мы все в божественных вещах - безумцы, - говорят они, - и ничего не знаем: знание о Божестве закрыто для людей". "Все мои речи о Боге, - сознается Ксенофан, - чужды истины полной; истину знать не дано человеку"

человека не требовалось напряжения нравственных сил, чтобы возвыситься до божества. Божества были подобострастны человеку. Ксенофан Колофонский глубоко возмущается тем, что всякий народ создает себе богов по своему подобию. "Рыжие и голубоглазые у фракийцев, боги бывают черны и курносы у эфиопов". "Если бы быки, львы и лошади умели рисовать и ваять, - иронизирует наш поэт-философ, - то и они изобразили бы богов подобными себе, дали бы им тело, которым сами обладают". Такой грубый натурализм религии неизбежно приводил и к грубой морали: чувственность коренилась тут в самом источнике и средоточии жизни - в религиозных представлениях. Отмеченные подобным чувственным характером, религии древнего мира скорее потворствовали, нежели противодействовали низменным влечениям человеческой природы, и потому как самая религия была обоготворением естественных сил природы, так и требования нравственности, по существу, были лишь узаконением прирожденных человеку грубых инстинктов.

Между народами царил открытая вражда. Египтянин с вершины своих пирамид с надменной гордостью взирал на все окрестные страны; потомки Авраама - евреи, считая себя избранным народом Иеговы, презирали остальной мир, как отверженный Богом; утонченно-просвещенный грек всякого чужеземца называл варваром, а суровый римлянин на всех них смотрел, как на законную добычу своего меча. Грубое насилие и бесчеловечная жестокость были основным законом международных отношений. Мирные жители захваченной страны обращались в рабство и, без различия их способностей, образования и прежнего общественного положения, низводились на степень домашней рабочей скотины победителя. Обеспеченные трудами миллионов рабов, победители проводили большую часть своей жизни в развращающей праздности, утопали в безумной роскоши. Не было ни одного грубого чувственного наслаждения, которым бы цвет культурных наций того времени не пользовался до пресыщения. "Все здесь, - говорит один историк, - было холодное бесчеловечие, утонченность вкуса, пресыщение роскоши и бесстыдное наслаждение".

"Что такое истина? - с презрением говорил языческий мир. - Стоит ли утруждать себя таким пустым вопросом? Жизнь коротка, поспешимте насладиться ею". *Carpe diem* - лови минуты наслаждения - вот девиз древнего человечества. Духовные потребности не пробуждались, а если в ком по временам и вспыхивали отдельные проблески высших стремлений, то, не находя соответствующей среды для своих осуществлений, порождали лишь тяжелое недовольство жизнью. "К чему сетовать на мелочи? - спрашивает Сенека. - Вся жизнь человека в общем плачевна". "Смерть, - взывает император-философ Марк Аврелий, - не медли своим приходом".

Все, кто не могли примириться с удушливой атмосферой нравственной распущенности, всеобщего насилия и подлого раболепства, только и жили надеждой, что займется же когда-нибудь над миром заря новой жизни. Они ждали этого дня, мучительно искали слово вечной истины, и оно, наконец, раздалось. "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, - послышался голос с берегов Иордана, - и Я успокою вас. *Научитесь от Меня*, и вы найдете покой душам вашим". Услышав этот призыв, люди, истомленные бесплодными поисками истинного идеала жизни, пошли тысячами вослед Ему, несмотря ни на гонения, ни на пытки, ни на самую смерть. Учение Христово, словно зарево огромного пожара, охватило собою весь тогдашний мир, и никакие потоки крови мучеников, пролитой гонителями креста, не были в силах затушить его. Христианство прошло по земле, как величественный, все сокрушающий перед собою, могучий поток. Евангельский закон любви к Богу и людям, подобно маяку, высоко зажегся над миром и стал путеводною звездой человечества в непроглядной часто житейской мгле. Борьба сложившегося десятками столетий языческого строя жизни против нового учения была упорна, но нравственная сила христианства так велика, что против нее ничто не в силах устоять.

"Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине" (Ин. 4, 24), - провозгласило Евангелие и тем впервые оторвало Божество от земли и земного, вознесло мысль о Нем выше мира и людских страстей, путь служения Ему указало в нравственном совершенстве. Бог есть *Дух*; не сила природы, не божественный герой, а личное, духовное Существо; Он - Высший Разум, Высшая Любовь, Высшая Правда, Высшая Святость. Одна уже эта идея могущественно возвышает человека. Обаяние физической природы разрушено; венец божественности снят с нее; ей отведено надлежащее место; она должна воплощать в себе мысли Божества. Животные потребности человека представляются теперь служением грубой материи; не они должны господствовать в человеке. Человек носит в себе чашу Божества, а Бог есть Дух, потому для людей отныне величайшую цену должны иметь интересы духовные. Для целей духовных, для истины и добра, для высших разумных стремлений человек обязан отречься от самых дорогих ему влечений, внушаемых плотью: он должен отказаться и от всех низменных наслаждений животной природы, и от кровных связей родства, если интересы близких сердцу людей и их требования идут вразрез с требованиями нравственного чувства. "Если кто хочет идти за Мною, - говорит Спаситель, - пусть *отвергнется себя*. Тот недостоин Меня, кто любит *более, чем Меня*, или отца, или мать, или дочь, или сына".

Человек бывает обыкновенно существом алчным, жадным к корысти и к грубым удовольствиям. Наслаждаться, обладать, собирать - вот стремление, которое заедает нас, губит нашу душу и заставляет губить души других. И теперь еще строй жизни значительно окрашен этим чувством себялюбия. Возьмите, например, всю современную промышленность. Она в основе руководится по преимуществу духом грубой корысти. Мне припоминается бывшая на промышленной выставке в Нижнем Новгороде картина Касаткина "Углекопы. Смена", как удачный символ самой промышленности и, пожалуй, в значительной степени всей нашей жизни. На картине представлена внутренность громадной рабочей казармы над шахтой. Раннее утро; чуть брезжит рассвет; ночная смена рудокопов выходит из шахты на поверхность земли. Идут усталые, черные; видны одни белки глаз. Лица как-то мрачно покойны, словно хранят великую тайну - тайну покорности неизбежной судьбе. С таким лицом, вероятно, шли древнеримские гладиаторы, когда они, проходя мимо императорской ложи, восклицали: "Ave, Caesar! Morituri te salutant"⁸.

Другая смена ждет очереди спуска. Краткий сон не восстановил истощенных сил; рабочие зевают, тянутся. Заморыш-мальчик не устоял перед соблазном нескольких свободных минут, свернулся на полу клубочком и задремал. Испитое, бледное лицо говорит, что ему недолго ходить на смену; свеча жизни быстро догорает; но работа без него не остановится: нужда пригонит сюда новые жертвы. Помните, у Пушкина:

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек,
И к утру возвратился с ядом...
Пришел, и ослабел, и лег
Под сводом шалаша на лыки.
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

Тут и слова поэта, и кисть художника согласно говорят, что наши блага земли, все эти миллиарды пудов угля, золота и стали при современной строе жизни покупаются дорогою, страшною ценою - ценою безвременно погибших и загубленных миллионов жизней. Пред этою картиною невольно думалось словами Спасителя: "Какая польза человеку, если он весь мир обретет, а душу свою погубит?"

⁸ Будь, Цезарь, здрав! Идущие на смерть приветствуют тебя!

Выяснить пред людьми эту последнюю великую мысль, дать им почувствовать всю истину и смысл ее - неизмеримая по своим нравственно благотворным последствиям задача, которую берет на себя и, как нельзя лучше, выполняет Евангелие. Вдумайтесь хотя бы в слова молитвы Господней: "Отче наш, Иже еси на небесех! *Да святится имя Твое; да придет царствие Твое; да будет воля твоя и на земле, как на небе!*" Ведь это откровение новой жизни, целая перспектива лучших отношений. Пусть в жизни все будет так, как учил Иисус молиться, и все будет совершенно. Не будет более ни зла, ни ненависти, ни умирающих от истощения непомерным трудом, ни пресытившихся до скотского отупения праздных богачей. Будет Бог в человеке и человек в Боге; небо настанет на земле.

Сюда-то, в этот божественный мир, на небо, где обитает Отец, Иисус Христос и направляет сердца своих учеников. Ученик Христов не должен привязываться всем сердцем ни к земле, ни к человеку, ни к чему-либо сотворенному. Его помыслами должен владеть целиком Отец Небесный. "Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе... ибо *где сокровища ваши, там будет и сердце ваше*" (Мф. 6, 19-21). Сердце человека нераздельно должно принадлежать Богу, а две исключительные любви в одном сердце ужиться не могут. "Никто не может служить двум господам: ибо одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне" (Мф, 6, 24). Эти слова не значат, впрочем, чтобы Иисус осуждал всякую деятельность, служащую источником частного и общественного благосостояния. Он Сам работал у столярного станка. Он осуждал только привязанность к благам мира сего, когда они целиком поглощают человека, вытесняют из сердца его все другие помыслы и интересы. Неразумным детям, простодушным дикарям, может быть, еще простительно увлекаться побрякушками, ради каких-либо бус или стекляшек жертвовать своим ценным достоянием; но для человека разумного, сознающего в себе силы мощного духа, и стыдно, и преступно размениваться на служение телу, когда высшие духовные интересы остаются в стороне. "Посему говорю вам, - проповедовал Иисус Христос народу, - ищите прежде всего Царствия Божия и правды, а все прочее придет к вам само собою". Это - главное и единое на потребу. Служение Царству Божию есть вместе с тем и служение Богу. Никакое другое служение без этого, без служения духом и истиною, не угодно Богу. "Бог не в рукотворенных храмах живет и не требует *служения рук человеческих*" (Деян. 17, 24-25). Не нужны Ему ни жертвы тучные, ни дым кадильный, ни алтари, сияющие золотом и драгоценными камнями; не требует Он ни поклонов, ни паломничества, ни постов. Если это все и есть у нас, то *есть для нас самих*, как средства и обстановка, способствующая усилению в нас возвышенных благочестивых настроений. Пред очами же Бога ценны в человеке "сердце, чище злата, и воля крепкая добре". Бога узреть могут только чистые сердцем. Высоты Сиона доступны лишь тому,

Кто дел своих ценою злата,
Не взвешивал, не продавал,
Не ухищрялся против брата
И на врага не клеветал.

Богу не угодна и самая молитва наша, если она идет из сердца, не озаренного истиною и любовью. "Если ты принесешь дар твой к жертвеннику, - говорит Спаситель, - и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойдй, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой" (Мф. 5,23-24). Ничего подобного до Иисуса Христа люди никогда не слышали. Евангелие впервые дало миру столь возвышенное и совершенное понятие о Боге и тем поставило пред человеком такой идеал, который никогда не может быть достигнут, но, приближаясь к которому, человечество будет становиться чище, нравственнее, совершеннее. Тут не Божество принижается до человека, а человек обязуется подняться до Совершеннейшего Существа.

Лучшие между мудрецами предлагали человеку: "прислушайся к голосу совести": Моисей повторял: "будь верен заповедям Иеговы, твоего Бога, ибо Он страшен"; Иисус же Христос говорил ученикам: "совесть заблуждается, закон есть иго для рабов, а вы взирайте на данный вам образ Божества. Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный. Пример Его - вот ваш закон; Его Дух - вот ваша сила". Отныне высшим законодателем всей человеческой жизни, истинным властелином людских дум, желаний и поступков должен быть Дух Божий. Ни мертвая буква, ни окаменелая форма не станут уже более сковывать, задерживать живую мысль человека. Свободный, просветленный дух, не стесняемый постоянными формами ("ибо Сын человеческий сделался господином субботы"), будет творить и разрушать, переходя от низшего к высшему, от высшего к более совершенному.

В этой духовности, исключительно принадлежащей только христианской религии, лежит таким образом залог бесконечной будущности прогрессивного движения в человечестве. Посмотрите на чуждый христианству Восток (Турцию, Персию, Индию, Китай и другие страны)⁹:

Род людской там спит глубоко
Уже много, много лет.

Сравните затем эту вековую духовную спячку нехристианского Востока с непрерывным прогрессом социальной жизни у освященных Евангелием западных народов, и вы должны будете признать, что именно христианство, его дух, является основным фактором этого необыкновенного процесса общественного развития. Только Евангелие, проповедуя Бога любви, Отца всех людей, положило начало истинному братству в человечестве, разрушило международные границы, сняло цепи с рабов, возвысило личность человека, научило в каждом человеке уважать его нравственное достоинство, какого бы племени или класса общества он ни был. "Отныне не будет ни иудея, ни грека, ни раба, ни господина, ни мужчины, ни женщины; - ибо все во Христе равны". Так писал великий апостол язычников, открывая в этих словах новый период истории человечества.

Это признание равенства всех людей перед Богом оказало на всю нашу европейскую цивилизацию решающее, неизгладимое влияние. Оно постоянно смягчало и смягчает унизительные классовые различия и вскоре подняло раба на более высокое положение, внушив ему чувство врожденного достоинства. Бенжамен Кидд - автор замечательно умной и оригинальной книги "Социальная эволюция", замечает: "Если мы предложим себе вопрос, в чем заключается история законодательства европейских народов за весь долгий период, простирающийся до наших времен, то наткнемся на любопытные вещи. Вся историю этого периода можно резюмировать в немногих словах. Это просто история ряда уступок, требуемых партией, по своему положению несравненно гораздо более слабой, состоящей главным образом из низших классов, ведущих тяжелую трудовую жизнь, и получаемых от другой партии власти, капитала, досуга и общественного влияния, которую мы безошибочно можем считать несравненно более сильной" Успех партии обездоленных в жизни зависит таким образом, не от настойчивости их требований преимущественно, а главным образом от того, что под влиянием альтруистических чувств на нашу цивилизацию сильные и богатые Классы начинают терять веру в справедливость своего особо привилегированного положения, они покидают свои укрепления, сдают свои позиции соглашаются по частям делиться некогда исключительно им принадлежащими правами. В этом действительное значение той поразительной картины, которую мы видим в истории христианских народов и которая представлялась невозможной в судьбах мира до Иисуса Христа.

⁹ Япония, сделавшая за последние 20 лет такие поразительные успехи в смысле приобщения ее к европейской культуре, не составляет исключения: она светит не своим светом, а заимствованным от Европы; она успешно пересаживает к себе чужеземное, своего же в сокровищницу общечеловеческой культуры не внесла ничего

Но чем обуславливается это уважение к правам младших братьев, сострадание избранных фортуны к обездоленным насыпкам судьбы? Прежде всего - распространением учения о равенстве всех людей пред Богом учения о спасении дут. Вера в то, что у каждого из самых бедных из самых униженных есть бессмертная дута которая создана по образу Божию, которая призвана к вечному блаженству и которую Иисус Христос приходил спасти Своею кровью; эта вера заставляет нас в каждом человеке видеть брата, признавать за ним право на наше уважение, лишает нас возможности со спокойной совестью пренебрегать его достоинством и благополучием. "Смотрите, - говорил Иисус Христос, - не презирайте ни одного из малых сих" (Мф. 18, 10). Отнимите эту веру, и человек для человека перестанет быть братом, ближним, он будет лишь новою цифрой в громадной сумме, лишним колесом в огромном механизме, - цифрой и колесом, которые станут цениться не сами по себе, безотносительно ко всему, а только по количеству приносимой ими пользы. Возьмите такой пример. Предположим, что величайший ученый, писатель или художник скажет: Пастер, Шекспир или Мурильо спасает десяток простых мужиков и баб; при этом, спасая, сам гибнет. С точки зрения коммерческого расчета, это будет безрассудное дело, невыгодная мена: за жизнь десятка грубых рабочих отдается жизнь мирового гения; алмаз редкой игры променивается на горсть медных пятак. С евангельской же точки зрения, - это будет величавый подвиг, проявление высшей любви. "Нет больше той любви, - говорил Спаситель, - как если кто положит душу свою за ближних своих" (Ин. 15, 13). И мы, прославляя Петра Великого за спасение им при Лахте погибающих солдат, после чего он тяжело занемог и умер, тем самым ясно говорим, что в глазах современного (европейского, по крайней мере) мира жизнь каждого человека, независимо от его социального положения, имеет равную невознаградимую ценность. Наука подобного положения доказать не может, а иногда даже не соглашается и признать равенство всех людей. Летурно, член парижского антропологического общества, в своем сочинении "Социология по данным этнографии" пишет: "Среди человеческих рас существует известного рода иерархия... В смысле организации, человеческие расы сильно разнятся друг от друга: тогда как одни, несомненно, достойны названия *избранных*, другие, столь же несомненно, составляют особый класс *отвергнутых рас*"¹⁰. Поэтому Кидд и говорит: "Представление о врожденном равенстве людей, играющее такую большую роль в общественном развитии нашей цивилизации по своему существу, не есть завоевание разума. Разум и опыт не санкционируют его; оно представляет лишь характерный продукт той религиозной системы нравственности, на которой основана наша цивилизация", то есть христианства.

Одним словом, христианство есть не только источник нравственного возрождения для отдельных лиц, но благо для всего человечества, основная сила неустанного роста культуры и социального прогресса. Возьмите лучшие, светлые мечтания о будущем всех самых благородных и самоотверженных друзей и вождей человечества, усильте их в какой угодно степени, и вы все же не найдете более заманчивой перспективы, чем та, какая указана в Евангелии: устройство и наступление Царства Божия на земле. Когда мы осмыслим сущность Христова благовестия, тогда мы поймем, что у человечества нет и никогда не будет более важной задачи, чем начертанная в Евангелии: "ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его".

V. Царство Божие

"Да придет Царствие Твое!"

Человеческий ум бывает обыкновенно засорен многими ложными представлениями, которые далеко не соответствуют действительности; в сравнении с оригиналом они оказываются не действительным его изображением, а вымышленным образом, нигде, кроме нашего воображения, не существующим, химерою, *идолом*, как выражается

¹⁰ Мечников, "Цивилизация и великие исторические реки", с. 86-87

известный английский философ Бэкон. Одним из таких идиологов, способных, подобно блуждающему огню, сбить искателя истины с верного пути, является свойственное огромному большинству людей ошибочное убеждение, что они никогда с ними серьезно и не знакомились. Подобные лица думают, что они ясно сознают значение вещей, потому что имеют для них знаки, которые выдают за их смысл. Эти знаки вещей суть их имена и слова, с которыми мы знакомимся раньше, чем с природою самых вещей; при помощи их люди сообщают друг другу свои представления вещей. Привыкнув с детства вместо вещей ставить слова, быть каждому понятным с помощью этих слов, мы сплошь и рядом и для самих себя удовлетворяемся одними лишь знаками вещей, ограничиваемся словами, не вдумываясь должным образом в их значение, не задаваясь вопросом: соответствует ли соединяемый нами с известным словом смысл действительной природе предмета, обозначаемого данным словом? Между тем слово ведь говорит не о том, что такое вещь, а о том, что она для нас значит, как мы ее себе представляем; и если наше представление о предмете неясно, то и знак для определения его неточен, слово неверно.

Печальным подтверждением подобного грустного явления может служить обычное, широко распространенное, более чем смутное, - иногда прямо превратное, понимание того, что значит евангельское выражение: "Царствие Божие". Слово это знакомо каждому христианину с раннего детства. Еще не умея читать, мы уже со слов старших в молитве Господней повторяем прошение: "да приидет Царствие Твое!" Затем с годами мы постоянно слышим в храме, читаем дома, учим в школе о Царстве Божием. В Евангелии ни о чем другом так часто подробно и подолгу не говорится, как о Царстве Божием. Царство Божие - это основная мысль всего учения Иисуса Христа, мысль, с каждой новой страницей Евангелия все более нарастающая и выясняющаяся. В евангельском повествовании не указывается ни одного слова, ни одного действия Спасителя, которое бы не относилось к Царству Божию. Если Иисус Христос проповедует, то для того, чтобы благовествовать о Царстве Божием и пояснить его значение; когда Он поучает народ на горе, то провозглашает законы этого Царствия; говоря народу в притчах на берегу озера, Он образно представляет тайны Царствия Божия, его возникновение, развитие и предстоящие ему борьбу и победу; когда он молится или научает нас молиться, то просит наступления его; избранием апостолов Христос желает продолжить основанное Им Царство после Себя и обеспечить за ним распространение среди всего человечества; если Он преображается перед несколькими учениками, то для того, чтобы показать им, чем становится человеческое существо в этом Царстве; Своим воскресением Он убеждает, что все силы ада, дьявольская злоба насильников и изощренная ненависть фарисеев не могут сокрушить Царство Его. Словом, в понятии Царства Божия содержится все учение Христа Спасителя, все домостроительство Его; оно составляет Его славу, весь смысл Его явления на Земле и весь Его божественный ум.

Отсюда, быть христианином или, по крайней мере, считать себя вправе авторитетно судить о Евангелии и не разумея ясно и определенно, что такое Царство Божие, для здравомыслящего человека - невозможная вещь. Это то же самое, как считать себя знатоком философии и не иметь понятия о Платоне, Аристотеле, Канте и Гегеле. Тем не менее большинство и благоговейно чтущих Евангелие, и критически разбирающих его отличаются крайне смутным, ошибочным представлением о Царстве Божием.

Начать с того, что под Царством Божиим, упоминаемым в Евангелии, понимают большей частью блаженную жизнь праведных за гробом, то есть понятие о *Царстве Божием* отождествляют с понятием о *Царстве Небесном* в обычном, принятом у нас, ходячем смысле и на этом основании нередко обвиняют христианство в неосмысленном пренебрежении к земным благам, в насильственном подавлении врожденных потребностей тела, в стремлении лишить жизнь светлых и радостных красок. "Евангелие устремляет взор верующего исключительно только к небу, - говорят обыкновенно в таких случаях, - оно забывает, что человек создан из земли, самым телом прикован к материи; с этим нельзя не считаться. Птицы, на которых ссылается Евангелие, и те вьют гнезда,

пекутся о своих птенцах. Можем ли мы, одаренные большими, чем птицы, материальными потребностями, быть совершенно равнодушны к насущным нуждам тела? Настаивать на подобном требовании - не значит ли идти против природы, с излишним ригоризмом требовать невозможного? Нас греет яркое солнце, ласкает аромат полей, чарует звездный блеск, пленяют трели соловья. Неужели восхищенье разлитую в природе красотой, наслаждение рассыпанными вокруг нас благами мира может быть преступно? к чему тогда все это создано, зачем в нас вложены известные инстинкты"?

В ответ на длинный ряд поставленных вопросов приходится сказать одно: все эти убедительные доводы бьют в пространство, не в Евангелие, а в пустое место.

Прежде всего, в Евангелии строго и ясно разграничиваются понятия о *Царстве Небесном* и о *Царстве Божием*. В речи Иисуса Христа о судьбе праведных за гробом мы читаем: "Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, *уготованное вам от создания мира*" (Мф. 25, 34). В прощальной беседе с учениками на Тайной Вечери Иисус Христос, успокаивая их перед грядущей разлукой, говорит: "Да не смущается сердце ваше... В доме Отца Моего обителей много. *А если бы не так*, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам" (Ин. 14, 1-2). В обоих случаях одинаково ясно указывается, что Царство Небесное - царство славы праведных, уже "уготованное", - представляет свершившийся факт. Царство же Божие, о котором говорится и в притчах, и в молитве Господней, и в указании конечной цели деятельности человека, еще не наступило во всей полноте; оно - дело более или менее отдаленного будущего; основанное на земле Христом Спасителем, это Царство подлежит дальнейшему устройению, имеет еще прийти. Мы просим: "Да приидет *Царствие Твое!*" Мы не говорим: "да будет *создано*", или "да *сотворится* Царствие Твое!", - но да "*приидет*", потому что ему уже положено начало, но оно не охватило еще все человечество, не включило в свои пределы нас; мы пока за чертой его, вне сферы благодатного действия его законов. Оно наступит, когда наше мирозерцание будет проникнуто евангельским духом, когда весь строй нашей жизни будет способствовать требованиям божественной правды, когда наши симпатии будут дышать чистою Христовою любовью; оно наступит для тех, кого гнетет удручающая пошлостью и грязью действительность, кто ожидает расцвета истины и добра, алчет и жаждет правды, желает победить зло. Проникнутся ли этими стремлениями общество, целый народ или все человечество, - Царство Божие наступит для данного кружка людей, для нации, для всего мира; проникнутся ли ими отдельные личности, - Царство Божие наступит только для них. Для тех же, кто счастлив и доволен царящим над землею сумраком бесправия слабых, кто выше всего ставит эгоизм и собственные страсти, кому смешно и непонятно стремление к бесконечному, - для всех таких Царство Божие непостижимо и недоступно. Царство Божие - это осуществляющаяся в истории организация личностей, сил и явлений, в которых царствует Бог и господствует исключительно Его разумная святая воля, или, говоря иными словами, более просто: Царство Божие - это праведная, нравственно совершенная жизнь людей на земле, пробужденная Христом Спасителем и устрояющаяся по Его евангельскому завету. Торжество подобного Царства состоит в полной победе добра над злом в человеческом сердце.

При выступлении на проповедь Иисус Христос, окидывая умственным взором мировую жизнь и оценивая ее с нравственной стороны, так определил общее впечатление: "мир весь во зле лежит" (1 Ин. 5, 19). Зло в форме повсеместного насилия, бесправия слабых, наглой распущенности богачей, скотского отупения толпы, разнузданной оргии эгоизма и низменных страстей было всеобщим фактом, являлось миродержавным законом. Борьба с этим царством зла, ниспровержение его и созидание на месте его Царства Божия стали основным делом Спасителя. Наступил срок исполнения первого обетования Бога людям: "семя жены сотрет голову змея" (Быт. 3, 15).

"Люди, изнывающие под бременем неправды и беззакония, - как бы так говорит миру Иисус Христос, - та жизнь, которую вы создали себе, не может дать вам искомого и

возможного счастья. Зло порождает только зло, а истинное счастье, высшее есть добро, которое и рождается исключительно любовью и добром. Если хотите обрести его, если вы тяготитесь гнетом царствующего в мире зла, придите ко Мне и научитесь от Меня. Слова Мои прольются целебным бальзамом в ваши измученные, больные сердца. Я укажу вам путь, который принесет покой вашей душе. Покоритесь беззаветно Моему учению, идите колеями, которую Я проложил пред вами, возложите на себя Мое ярмо, и вы увидите, что иго Мое благо и бремя Мое легко. На смену долгой беспросветной удушливой ночи, с Моим вступлением в мир занимается заря светлого тихого дня. Доселе среди общего удручающего беззакония только, как искра, в сердцах немногих избранных земли таилась великая надежда на лучшее будущее. Теперь ей суждено осуществиться. Времена исполнились. Приблизилось Царство Божие. Оно близко, оно вот тут, подле вас, вокруг вас, но нужно, чтобы оно проникло и охватило собою ваше сердце - источник всякой деятельности и руководящее начало жизни человека. Очистите в вашем сердце место для Бога, дайте в вашей жизни простор истине и добру, освободитесь от царящих в вас лжи, насилия и грубого эгоизма, *покайтесь*".

"Покайтесь" - вот первое слово, с которым Евангелие обратилось к человечеству. Возможность желанного обновления жизни, наступления Царства Божия среди людей обуславливается прежде всего покаянием. Если не покается, говорил Божественный Провозвестник новой жизни, не можете войти в Царство Божие". Русское слово "покайтесь" недостаточно выразительно, не оттеняет с надлежащей рельефностью необходимой мысли; в нем нет желательной яркости. В подлиннике, в греческом тексте Евангелия смысл слова обрисовывается выпуклее, содержание его выступает резче. Там мы читаем: "метанофейтф"; буквально это значит: передумайте, перемените ваши мысли, измените основную точку зрения. В таком случае слова Иисуса Христа, Его требование покаяния для вступления в Царство Божие получают следующий смысл. На земле возможна и даже обязательна иная жизнь, чем та, которую ведут люди и под бременем которой сами стонут; насилие, неправда, себялюбие и вообще господство грубых низменных инстинктов не представляют собою неустранимых сил; наряду с ними в человеке, хотя бы в скрытом, потенциальном виде, находятся лучшие, высокие, святые чувства, чувства братства, самоотверженной любви, стремления к истине и вообще к нравственному совершенству. Если их систематически не заглушать в себе, дать им простор, развитие и укрепить в душе, они озарят жизнь ослепительным, чарующим блеском. Жизнь станет неузнаваема: власть зла заменится обаянием любви. И это Царство Божие в людях может наступить в любую данную минуту. Только такие, как есть в наличности, люди не пригодны для новой жизни; им надо обновиться духом. Необходимо, чтобы они произвели коренную переоценку всех своих стремлений, прониклись новым веянием, духом всеобъемлющей евангельской любви, умиротворяющей кротости Христа, неудержимым и ненасытным влечением к правде. Рисуемая Иисусом Христом грядущая светлая жизнь непременно ставит обязательство, чтобы люди отразили в себе евангельский образ человека, приучились бы относиться к жизни и отзываться на различные явления ее так, как относился к ней и отзывался сам Иисус Христос. Евангелие с особою силою выдвинуло на первый план мысль, к сожалению, не понимаемую часто еще и теперь, что как горшечник своим искусством, своим трудолюбием и вниманием к делу определяет качество своих горшков, так и человек своими силами, своими свойствами, характером своей природы определяет характер и направление своей жизни. Последняя не может принять иной характер, если не изменятся, не примут иной характер основные свойства, - самая природа человека. Никакое насильственное воздействие извне, никакое слепое подчинение авторитету не в состоянии произвести полной и, главное, бесповоротной перемены жизни. Для коренного изменения жизни, для полного поворота ее в сторону Царствия Божия необходимо ясное понимание величия нравственного идеала Евангелия, живо прочувствованное отвращение к прежнему складу жизни, основанному на служении животным влечениям нашей грубой, изменчивой природы, и жажда найти

удовлетворение высшим потребностям духа. Для уяснения и обоснования этой мысли особенно характерна и поучительна беседа Иисуса Христа с Никодимом. Один из начальников Иудейских, некто, именем Никодим, пришел к Иисусу ночью и сказал Ему: "Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царства Божия" (Ин. 3, 1-3). Если вдуматься внимательнее в приведенный отрывок беседы, сопоставить содержание слов Никодима с речью Иисуса Христа, мы увидим, что Иисус не отвечает Никодиму, не развивает далее мысль своего ночного собеседника, а резко обрывает его, дает разговору крутой поворот в иную сторону. Никодим говорит: "Хотя мои собратья - фарисеи и ненавидят Тебя, враждебно настроены против Твоего учительства в народе, я не могу не признать Тебя Божественным Учителем, не преклониться пред Тобою. Твои чудеса убеждают меня, что Ты послан Богом; я - Твой ученик и пришел к Тебе засвидетельствовать это". - "Если ты так рассуждаешь, - прерывает его Иисус, - Я не могу признать тебя своим учеником. Ты видел чудеса, - как бы так говорит Иисус Христос, - и поразился ими, а понял ли ты глубокий смысл Моих речей, внимал ли ты с замиранием сердца Моему призыву к Царству Божию, трепетала ли в тебе душа от восторга перед светлой картиною грядущих на землю любви, истины и добра? Пламенел ли ты тогда готовностью отдать все, отрешиться от самых дорогих привязанностей, от кровных уз, лишь бы увидеть на земле осуществление моих слов? Переживаешь ли ты теперь новое, ранее неведомое, настроение, чувство разрыва с ненавистным прошлым и желание одного: беззаветно отдаться новой жизни? Я пришел не чудесами *поражать умы* людей, а словом проповеди и примером жизни *привлекать их сердца* к Царству Божию. Моя задача - подавить в людях злую, развращенную волю и подчинить весь строй их личной и общественной жизни святейшей воле Высшего Разума и Высшей Любви, воле Отца небесного. "Не всякий говорящий мне: "Господи! Господи!" войдет в Царствие Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного" (Мф. 7,21). Уразумел ли ты все это? Кто хочет идти за Мною, тот должен отречься от всего низменного, постыдного, злого, умереть для греха и очищенным, проникнутым возвышенным духом вступить в новую жизнь; "истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия" (Ин. 3, 3).

Жизнь бывает такую, какую создают ее люди; отличительный характер ее определяется свойствами духовной природы человека. Если человечество хочет, чтобы жизнь изменилась к лучшему, чтобы в мире увеличилась сумма добра и правды, оно должно возродиться духовно, возвысить собственный уровень, усилить энергию в служении истине и любви.

Поэтому Иисус Христос в Нагорной проповеди с особою настойчивостью подчеркивает обязательный для сынов Царствия Божия подъем нравственных обязательств.

Вы слышали, что сказано древним, говорит Он, - не убивай, не лишай человека жизни. А Я говорю вам: не обижай ближнего напрасным гневом, бойся оскорбить его даже речью, на словах лишить его достоинства человека. Вы слышали, что сказано древним: не распутствуй, не превращай тело, предназначенное быть вместилищем Духа Божия, в орудие служения худшим инстинктам плоти. А Я говорю вам: берегитесь даже грязных мыслей, отвращайте взор ваш от того, что может осквернить чистоту ваших помыслов. Вы слышали, что сказано древним: исполняй перед Господом клятвы твои, страшись явиться нарушителем их. А Я говорю вам, чтобы вы свято блюли всякое ваше слово, чтобы вы и без клятвы говорили всегда одну правду; если - да, так - да, а если нет, так - нет.

Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб, то есть если ты мстишь ближнему, не мсти ему с лихвою; не воздавай, как Ламех, за язву смертью, за обиду в семьдесят раз семеро (Быт. 4, 24), а за рану раною и за язву язвою. Я же говорю: не платите вовсе злом

за зло; когда ударит тебя кто в правую щеку твою, не отвечай ему тем же, а без задорного вызова, без обидных упреков отдай себя в волю обидчика. Мщение к злу прибавляет зло, льет масло в огонь и раздувает пламя вражды; кротость же и незлобивость обезоруживают ненависть, смиряют ярость, заставляют смутиться грубое насилие.

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите всех людей и ненавидьте только злые их дела; гоните злобу, истребляйте ложь, громите, как исчадие ада, насилие и фарисейства и жалейте тех, кто служит этому всему; гонители более несчастны, чем гонимые: Царство Божие для них уже недоступно; огрубело сердце их, ум ожесточился; не знают они, что творят. Молитесь за них и делайте добро тем, кто ненавидит вас.

Помните, что в жизни, как в общей сокровищнице, не пропадает бесследно ни одно людское дело, ни одно слово, ни одна мысль, ни одно движение сердца. Все оставляет свой след, все так или иначе, к лучшему или к худшему, влияет на общий характер окружающей нас жизни. Будьте поэтому и в малом верны нравственному закону, как и в большом. "Всегда и везде прежде всего ищите Царства Божия и правды его".

Таково в немногих словах законодательное дело Иисуса. Если оно не войдет в плоть и кровь человека, не преобразит в нем духовную природу, не станет его жизненной силой и если эта сила не будет бить ключом, Царство Божие для того не наступит. Для Царства Божия один кающийся мытарь, одна омывающая слезами ноги Иисуса грешница - большее приобретение, чем девяносто девять величественно спокойных, надменных праведников, мнящих себя достигшими вершины добродетели. В них струя жизни остановила свое движение, замерла и успела уже подернуться тиной; в мытаре же и грешнице долго сдерживаемый, заваленный грудой порочных страстей и влечений родник вечной жизни от прикосновения руки Спасителя прорвался на свободу, разлился вдруг широким потоком, смыл всю накопившуюся годами духовную нечистоту и в своих кристальных струях отразил весь блеск, всю красоту евангельской жизни, и чем дальше, тем все глубже пролагает он свое русло в сердце злодея и блудницы.

Евангелие скупо на слова для подробностей, не касающихся прямо дела Иисуса, но и тех немногих черт, которые мы находим в рассказе о покаянии мытаря или о прощении блудницы, достаточно, чтобы живо представить свершившийся в них акт полного духовного перерождения. Припомним притчу о мытаре и фарисее. В храм вошли два человека помолиться; один был фарисей, другой мытарь. Фарисей - почетный постоянный посетитель храма; ему здесь все знакомо и его все знают. С величественно поднятой головой, величавой поступью проходит он среди расступающихся перед ним богомольцев и становится на возвышении, на первом месте. Его дела добродетели, как и сам он теперь, на виду у всех: он и в храме на молитве, и в посте, и в благотворении всегда и везде впереди. Сознывая это, с чувством глубокого самодовольства он говорит: "Боже, благодарю Тебя, что я не таков, как другие, как тот вот, например, мытарь у порога".

Здесь цель достигнута: убогий нравственно-религиозный идеал осуществлен; идти дальше некуда, остается в застывшей неподвижности горделиво любоваться собою. Тот, Кто сказал о Себе: "Я - Жизнь", Своей жизни не находит в фарисее; фарисей не родился для Царствия Божия. Иное дело мытарь. Он, несомненно, человек порочный; вся жизнь его полна тяжелых преступлений; его все презирают, да и сам он невысоко ценит себя. Под каким-то случайным внушением он сегодня вместе с другими вошел в храм. Давно он не был здесь; ему все чуждо, незнакомо. Окинул он взором своды и стены храма и, не решаясь идти далее, робко остановился у порога. От этих давно не виданных священных стен на него нахлынул рой былых воспоминаний. Припомнилось ему, как он еще ребенком ходил сюда с родителями каждый праздник; здесь мать впервые научила его складывать молитвенно ручонки; любил он тогда сливаться с тысячною толпою в один молитвенный вопль Израиля, в пении умиленных псалмов Давида. Как ясно звучал его детский голос, сколько душевной чистоты, восторженной любви к Богу слышалось в каждом звуке! С каким замиранием сердца внимал он огненным словам писаний древних

пророков; как вместе с ними негодовал на беззакония нечестивых и в духе и в силе Илии, Исаии, Иеремии мечтал служить Иегове! Что случилось со всем этим? Вереницей проносятся в памяти года за годами, и чем дальше идет время, тем все темнее становится на душе. Забыты и речи матери, и храм с молитвою; забыты и совесть, и детские мечты. Словно листья, подхваченные непогодой, мелькают в памяти образы прошлого и тяжелым камнем давят его, гнетут голову на грудь. Дрогнуло черствое сердце,

Вспомнились силы, постыдно погибшие,

Стало юность минувшую жаль;

на глаза навернулись горячие слезы и, пролившись неудержимым потоком, подобно ливню в знойную пору, освежили истомленную душу мытаря; растаяли в нем злоба и ненависть к людям, омылась слезами духовная грязь, обновилось, переродилось порочное сердце. Пришел мытарь в храм великим грешником, вышел сыном Царства Божия. "Истинно, истинно, - учит Евангелие, - если не обратитесь и не раскаетесь, как мытарь, не можете войти в Царство Божие".

Следовательно, наступление Царства Божия на земле, улучшение человеческой жизни возможны только под условием духовного перерождения людей; без проникновения духом Христа отдельных личностей невозможно обновление общества, немислим никакой социальной прогресс. "Царство Небесное, - говорит Основатель его, - подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё" (Мф. 13, 33). И "не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть" (Лк. 17, 20-21). Таким образом, история Царствия Божия, строго говоря, есть история людской души. Оно зарождается в тайниках человеческого сердца и должно сначала укорениться внутри нас. Внешние условия жизни в судьбах Царства Божия играют второстепенную роль; успех его возникновения и роста зависит прежде всего от внутренних свойств человека. Необходима некоторая нравственная подготовка, как бы духовное средство. "Никто не может придти ко Мне, - говорит Иисус Христос, - если? не привлечет его Отец" (Ин. 6, 44), если у него самого нет хотя бы смутного влечения к Отцу. Этим и объясняется, почему иногда, при всех внешних, казалось бы, выгодных условиях для восприятия истины, один человек не признает ее, и, напротив, другой, при всех самых невыгодных условиях, без всяких видимых причин, весь отдается ей. Притча о сеятеле служит прекрасной иллюстрацией (Мф. 13, 3-8 и 18-23). Сеятель широким размахом руки разбрасывает семя по поляне; семя одинаково жизнеспособно, но результат выходит разный. На утоптанной дороге семя не проникло в землю и потопталось; на каменистом месте увяло; в тернии заглохло. И только четвертое зерно, упавшее на добрую землю, принесло обильный плод. Причина разницы успеха не в зерне, а в почве. Так и с Царствием Божиим, с семенем его! Раз посеянное в мире, оно уже не заглохнет. Мы можем не замечать его развития (для нас, рабов минуты, дело, совершающееся веками, может казаться остановившимся в развитии), но оно растет. "Царствие Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит он, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом, полное зерно в колосе" (Мк. 4, 26-28). Семя полно могучих жизненных соков; оно таит в себе необъятные силы; в маленьком зерне лежит зародыш, начало жизни большого дерева, а через него и целой тенистой рощи лишь бы только семя нашло подходящую среду, соответствующую почву. Точно то же бывает и с словом Царства Божия. Царствие Божие - "как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные" (Мк. 4, 32).

Несколько десятков лет тому назад в одной из пирамид Египта нашли мумию фараона. В помещении, где покоились останки некогда могущественного нильского владыки, оказалось немало предметов древнеегипетской утвари и между прочим сосуд с

зерном пшеницы. В свитке папируса, найденном тут же, значилось, что эта пшеница пролежала в пирамиде более трех тысяч лет. Когда ее посеяли, она дала прекрасный урожай. Семя Царства Божия, зерно истины, воодушевленное слово призыва к добру хранит в себе, конечно, не меньшую, а большую жизнеспособность. Воспринятое сердцем, оно рано или поздно принесет богатый плод. Весь вопрос: способно ли только сердце принять это зерно, представляет ли внутренний мир человека, его влечения удобную почву для роста Христова семени? Если нет, эту почву надо создать: утоптанную ногами прохожих дорогу разрыхлить плугом и бороною, каменистое место покрыть слоем наносной тучной земли, терновник и сорные травы очистить с заброшенного пустыря. Священнейшая обязанность всех, сознательно желающих наступления Царства Божия, по отношению к тем, кто равнодушен к судьбам и устройению его, - и словом, и делом твердить им неустанно, подобно Иоанну, Предтече Христову: "приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его" (Лк. 3, 4).

Правда, есть люди, безвозвратно погибшие для Царства Божия; им недоступен мир светлых идеалов и возвышенных порывов; душа их насквозь проедена пошлостью и грубостью низменных влечений. Иисус Христос сам говорил о них: "Не давайте святыни псам и не знает он, ибо земля сама собою производит сперва зелень, потом колос, потом, полное зерно в колосе" (Мк. 4, 26-28). Семя полно могучих жизненных соков; оно таит в себе необъятные силы; в маленьком зерне лежит зародыш, начало жизни большого дерева, а через него и целой тенистой рощи лишь бы только семя нашло подходящую среду, соответствующую почву. Точно то же бывает и с словом Царства Божия. Царствие Божие - "как зерно горчичное, которое, когда сеется в землю, есть меньше всех семян на земле; а когда посеяно, всходит и становится больше всех злаков, и пускает большие ветви, так что под тенью его могут укрываться птицы небесные" (Мк. 4, 32).

Несколько десятков лет тому назад в одной из пирамид Египта нашли мумию фараона. В помещении, где покоились останки некогда могущественного нильского владыки, оказалось немало предметов древнеегипетской утвари и между прочим сосуд с зерном пшеницы. В свитке папируса, найденном тут же, значилось, что эта пшеница пролежала в пирамиде более трех тысяч лет. Когда ее посеяли, она дала прекрасный урожай. Семя Царства Божия, зерно истины, воодушевленное слово призыва к добру хранит в себе, конечно, не меньшую, а большую жизнеспособность. Воспринятое сердцем, оно рано или поздно принесет богатый плод. Весь вопрос: способно ли только сердце принять это зерно, представляет ли внутренний мир человека, его влечения удобную почву для роста Христова семени? Если нет, эту почву надо создать: утоптанную ногами прохожих дорогу разрыхлить плугом и бороною, каменистое место покрыть слоем наносной тучной земли, терновник и сорные травы очистить с заброшенного пустыря. Священнейшая обязанность всех, сознательно желающих наступления Царства Божия, по отношению к тем, кто равнодушен к судьбам и устройению его, - и словом, и делом твердить им неустанно, подобно Иоанну, Предтече Христову: "приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Его" (Лк. 3, 4).

Правда, есть люди, безвозвратно погибшие для Царства Божия; им недоступен мир светлых идеалов и возвышенных порывов; душа их насквозь проедена пошлостью и грубостью низменных влечений. Иисус Христос сам говорил о них: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями" (Мф. 7, 6). Раз вы убедились окончательно¹¹, что человек глух ко всякому благовому призыву, не поддается никакому нравственному воздействию, не тратьте на него напрасно вашего энтузиазма; направьте жар вашей души па другую, более благодарную цель. Но таких нравственных уроков

¹¹ Евангелие подробно раскрывает способ воздействия на человека в целях обращения его к Царству Божию. Если согрешит брат твой, обличи его наедине и если он послушает тебя, приобрел ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою еще одного или двух, ты, может быть, не сумел, как подойти к нему, прибегни к помощи других. Если же не послушает их, скажи церкви, проси содействия всех членов общины Христовой; а если и тогда не послушает, то да будет он тебе, как язычник и мытарь (см. Мф. 18,15-17)

немного; они - не обычное явление в человечестве, а печальное исключение - калеки, монстры, идиоты. Обычно же люди - всегда люди и ничто человеческое им не чуждо; если они нередко проявляют крайнюю грубость и пошлость своей низменной природы, то они же временами оказываются способными и к проявлению необычайного величия духа. Недаром Паскаль называл человека и гордостью, и мерзостью вселенной. Бывает, что жизнь отчаянных злодеев и заурядных пошляков мгновением блеснет такою нравственною красою, пред которою нельзя не преклониться и не задуматься серьезно.

Подобно тому, как извержения вулканов обнаруживают перед нами тайны внутренностей земного шара, так и эти случайные, исключительные порывы благородного энтузиазма говорят о наличии в духовном мире человека хотя и сокрытых, светлых сил любви и добра. Надо только уметь и желать вызвать их к жизни, дать им простор. Мы знаем, что "навозну кучу разрывая, петух нашел жемчужное зерно". В душе человека, наверное, можно сделать более ценную находку. Пусть сердце людское часто бывает отвратительною нравственною клоакою, но если в нем старательно порыться, мы найдем там не один, а горсть перлов редкой игры и красоты. Поэтому Спаситель и говорил: "смотрите, не презирайте ни одного из малых сих" (Мф. 18,10).

Если, при соответствующих затратах труда и умения, мы путем дренажа и осушительных канав превращаем топкие болота в цветущие нивы, а выжженные солнцем пустыни посредством орошения - в культурные страны, то неужели путем надлежащей работы над душою ближних не будут достигнуты соответствующие успехи и в данной области? Великий геометр и механик Архимед говорил: "дайте мне точку опоры вне нашей планеты, и я переверну вам землю". Евангелие также говорит: "дайте мне в людях сердце, проникнутое любовью к человеку и к правде, и я переверну вам нравы, обычаи, всю социальную жизнь".

Современная, даже интеллигентная масса в своем нравственном развитии поразительно отстала от умственного и эстетического развития. Нельзя достаточно надивиться, как мало обращают внимания на страшный контраст между быстрым умственным и художественным прогрессом, с одной стороны, и полною почти неподвижностью нравственного уровня - с другой. Мы с улыбкой сожаления, чтобы не сказать сильнее, смотрим на схоластику Средних веков; восхищенные искусством Рафаэля, виртуозностью Рубинштейна и Сарасате, считаем гармонию и суздальских богомазов пережитком малокультурной старины; и в то же время в своих нравственных воззрениях руководимся и довольствуемся древнеязыческим кулачным правом. Еще недавно, можно сказать, на днях мы слышали, как царственный представитель нации Канта и Гегеля посылал брата к язычникам защищать Евангелие с кулаком, одетым в броню. Дальше этого идти некуда. Иисус Христос, отправляя учеников на проповедь, говорил: "Я посылаю вас, как овец среди волков; будьте кротки, как голуби" (Мф. 10, 16). В современной же своеобразной апостольской миссии овцы заменены броненосцами, а голуби - изделием Крупна. И характерно отношение культурного мира к подобному кощунственному извращению основных заповедей Христа. Облей кто-нибудь серною кислотой Сикстинскую Мадонну, как это сделали с одной из картин Верещагина в Вене, разбей статую Аполлона Бельведерского или Венеры Милосской, разрушь Ватикан, в какой бы ужас пришел весь просвещенный мир, как возмущался бы грубым вандализмом; какие метал бы громы и молнии в нового Герострата! Наглое же оскорбление Высшей Правды и Любви, брошенное открыто пред целым светом ради праздной болтовни, не смущает ничью совесть, не коробит нравственного чувства; в лучшем случае вызывает пожимание плечами. Не есть ли это убедительное доказательство нравственной тупости нашей культурной толпы? Как, стало быть, вся масса человечества и теперь еще далека от Царства Божия, и как нужны работники, проникнутые духом Христа, чтобы увлечь эту массу за собою, выяснить в сознании ее обаяние евангельской жизни!

"Любви, как можно больше любви! - взывает Евангелие, - любви и к ближнему, и к правде в жизни!" Царству Божию уже положено начало на земле, но оно от большинства

людей сокрыто еще густым пологом лжи, насилия и эгоизма. Пусть солнце бескорыстной, самоотверженной любви рассеет перед ними этот мрак. Пусть жизнь признающих себя христианами будет увлекательной повестью о чарующем идеале евангельской правды, восторженным гимном Царству Божию, и она увлечет за собою косных сердцем, подобно тому как воодушевленный рассказ путешественников о дивной красоте виденных ими стран, о благодатном действии чистого воздуха гор и безбрежных морей, о мудрых распорядках иноземной жизни увлекает обыкновенно и малоподвижных людей.

Такой труд над подготовкой почвы для Евангелия, объяснение окружающей среде, что есть Царство Божие, и пробуждение захватывающего интереса к нему необходимы тем более, что наряду с проповедью Спасителя о близости к нам Царства Божия на земле под условием покаяния существует учение о возможности достижения золотого века общего довольства и благополучия при посредстве коренного переустройства общественного быта внешним, законодательным (мирным или насильственным, революционным) путем. Сторонники подобного мнения утверждают, что достаточно переменить законы, регулирующие жизнь, переустроить общество на новых, ими выработанных экономических и политических началах, и люди переменятся сами собою, что социальный прогресс неизменно влечет за собою и нравственное улучшение. Говоря короче, они переносят центр тяжести изнутри человека вовне. По их мнению, не человек, не его нравственная личность определяет окружающую жизнь, а наоборот, внешние условия жизни: политические права, экономическая зависимость вырабатывают тот или другой тип граждан. Сами по себе, от природы люди мало отличаются один от другого. Их отличительные особенности происходят от различия в воспитании и в условиях жизни; в действительности же различие врожденных способностей у людей совсем не так велико, как мы воображаем. Различие между людьми, посвятившими себя самым противоположным занятиям, как, например, между философом и заурядным носильщиком, гораздо менее зависит от их природы, чем от воспитания и вообще от тех условий, среди которых они поставлены. Поэтому, если всех людей поставить в одинаковые условия жизни, с детства окружить их общою обстановкою, - все человечество поголовно будет таким, каким теперь является только избранное меньшинство.

В современном общественном строе распределение прав и обязанностей крайне неравномерно и незаконно: на долю одних возложены обязанности и никаких почти прав; на долю других - все права и преимущества и никаких обязанностей. Одним жизнь - баловница мать, другим - лютая мачеха. Такая постановка дела вызывает недовольство обездоленных; рождается зависть, желание во что бы то ни стало добыть себе хотя крупинцы блага, которыми в изобилии пользуются баловни судьбы. Желание это осуществляется нередко преступными средствами, и таким образом вследствие несовершенства социального устройства значительное число людей становятся порочными: самый строй жизни создает преступников. Последнее обстоятельство решительно не имело бы места, если бы общество не делилось ненормальным образом на тунеядцев-эксплуататоров и на эксплуатируемых тружеников. Пусть люди всегда имеют обеспеченный кусок хлеба, пусть все одинаково участвуют в труде и в наслаждениях жизнью, и тогда не будет ни убийц, ни грабителей; исчезнут зависть и жадность; воцарятся равенство, братство, настанет золотой век. Все это будет тогда, говорят апостолы излагаемого учения, когда уничтожится главное зло, порождающее неравенство между людьми, - частная собственность, когда не будет отдельных предпринимателей и капиталистов, а всякая производительность будет сосредоточена в руках самого общества, государства, которое равномерно будет распределять между отдельными личностями и труд, и вознаграждение за него. Количество труда вследствие этого значительно возрастет, потому что все будут работать; получится возможность всем, а не избранным только, широко пользоваться благами жизни. Требуя от всех по их способностям, общество в состоянии будет дать каждому по его потребностям.

Воззрение это очень древнее и в рядах своих последователей насчитывает сотни выдающихся умов различных эпох и всех культурных наций. Греческий философ Платон, английский государственный канцлер Томас Мор, итальянский ученый монах Кампанелла и целый ряд французских, немецких и американских политических деятелей и писателей девятнадцатого века в мельчайших деталях развивали план перерождения человечества посредством коренного переустройства общественного быта. В частности у каждого автора есть свои особенности, но в общем почти все они сходятся на признании необходимости превратить весь народ в одну общую промышленную армию труда, единственным хозяином и предпринимателем которой является государство; государство же предполагается полноправным вершителем и устройтелем и семейной, и даже личной жизни отдельных граждан. Государство определяет каждому род его занятий, назначает место жительства, воспитывает детей; по своему усмотрению устраивает даже браки ("Солнечное государство" Кампанеллы). Словом, личность устраняется совсем; ее окончательно поглощает общество, государство. Яркую картину подобного экономического строя общества, как оно рисуется его сторонниками теперь, представляет наделавший много шума по всему миру роман Беллами "Взгляд назад, или Будущий век". В этом увлекательно и живо написанном романе удивительно предусмотрены и устройство жилищ при новом строе жизни, и распределение работ так, чтобы все они - и чистые и грязные, и легкие и трудные - выполнялись одинаково, и общее пользование всевозможными удовольствиями; забыто одно: сам человек, характер его внутреннего мира. Нарисованный Беллами план будущего идеального экономического строя общества представляется несокрушимым в своей устойчивости под тем лишь условием, если допустить, что каждая отдельная личность идеально добросовестно выполняет наложенные на нее государством обязанности; но если предположить, что громадное большинство граждан, не чувствуя над собою бича нужды или надсмотрщика, будут охотно пользоваться общественным достоянием для удовлетворения своих потребностей и приложат все старания, чтобы не трудиться в меру своих способностей, то вся стройная сложная общественная машина, созданная Беллами и его единомышленниками, рухнет, как карточный домик, что в действительности не раз уже было. Печальная гибель колоний Кабэ в Техасе и в Иллинойсе, поселений Оуэна в Индиане, фаланстеров по плану Фурье во Франции и многих других убедительно подтверждает отзыв известного бельгийского политика-эконома Лавелэ о романе "Будущий век". "Грезы Беллами навсегда останутся утопией, пока само сердце человека всецело не изменится".

Г. Лебон, автор "Психологии народов и масс", говорит: "Только в голове темных масс и в узкой мысли некоторых фанатиков способна еще держаться идея, что важные общественные перемены могут совершаться путем декретов. Единственная полезная роль учреждений заключается в том, чтобы дать законную санкцию изменениям, которые уже приняты нравами и общественным мнением. Они следуют за этими переменами, но не предшествуют им. Не учреждениями изменяются характер и мысль людей. Верить, что формы правления имеют определяющее значение в судьбе народа, - значит предаваться детским мечтам. Народ не может избавиться от того, что вытекает из его душевного склада. Только в нем самом находится его судьба, но не во внешних обстоятельствах"¹², или, говоря иными словами, только сердце человека есть источник всей его деятельности; определяющим началом характера народной жизни является его нравственная природа. Совершенную форму общественного быта могут создать только нравственно совершенные люди. В книге Деяний апостолов мы читаем: "У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду" (Деян. 4, 32, 34-35). Как

¹² Лебон. "Психология народов и масс", с. 62, 83

далеко до этой первой христианской общины, созданной галилейскими рыбаками и иудейскими пахарями, нашим современным культурным обществам, представляющим последнее слово социальной мудрости! Как ни меняются формы правления, как ни нарождаются все новые и новые экономические и политические теории, а хищническая борьба за существование не теряет своей остроты, человек не перестает быть для человека волком. Так было и будет, пока грубые животные инстинкты в человеке не уступят место возвышенным чувствам всеобщей любви и умиротворяющей кротости, пока не будет вынута из человека сердце звериное и не проявится в нем потускневший образ Божий. "Будьте совершенны, как совершенен Отец наш Небесный, - говорил Иисус Христос, - и у вас будет совершенная жизнь".

Разрешая таким образом вопрос о средствах улучшения будущности человечества, Евангелие полагает центр тяжести человеческих интересов в мире нравственном, духовном, а не в материальном, внешнем. Усилия людей, желающих улучшения человеческой жизни, должны быть направлены по преимуществу на уяснение, усвоение и исповедание истины, на устройство Царства Божия в себе и в ближних. "Ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, - говорит Спаситель, - и остальное все приложится вам, неизбежно придет само собою" (Мф. 6,33).

Евангелие не говорит: "ищите *только* Царства Божия и правды", а "ищите *прежде всего*. Заботы о Царстве Божиим, стремления в правде к жизни должны быть *первенствующими* в нашем сознании, но они не устраняют собою возможности и законности попечения и о телесных наших нуждах и потребностях. По учению Иисуса Христа, пользование материальными благами, наслаждение ими сами по себе не являются непременно абсолютно безнравственными; безнравственность заключается в подчинении всех своих стремлений и помыслов материальным интересам. Если Евангелие и говорит, что человек не хлебом одним жив бывает, то оно же и учит молиться: "хлеб наш насущный дай нам на сей день" (Мф. 6, II). Потребности тела должны быть удовлетворены, но они не должны переходить в излишества; равным образом прихоти не должны становиться потребностями. Пища, питье, жилище и одежда необходимы человеку, и, удовлетворяя такой необходимости, человек не становится порочным; иное дело, если эта необходимость переходит в распущенность. Еще Сократ говорил: "надо есть, чтобы жить"; люди же часто охотно жили бы исключительно для того, чтобы есть. Многие ищут в пище не питательности только, а и приятных вкусовых ощущений. Потребность осложняется массой прихотей, которые становятся каким-то божеством, поглощающим на постыдное служение себе немало духовных сил человека и унижающим нас до скотского равнодушия к нужде и печалям ближнего. Устрицы и страсбургский пирог, запиваемые тонкими винами, при наличности голодающей нищеты, такое же позорное и преступное явление, как и бешеная пляска на пожарище, пьяное веселье у постели больных. То же повторяется и с питьем, и с жилищем, и с одеждою, и со многим другим. Жилище и одежда, необходимые как защита от разрушительного действия стихий, превращаются в средство суетного тщеславия. Не довольствуясь напитками, утоляющими жажду, человек без конца изобретает меды, пива, вина, сидры и ликеры, которые пьет уже не для утоления жажды. Опять потребность перешла в излишество, а излишество становится неумолимым тираном, в жертву которому нередко приносятся лучшие задатки души. Все эти излишества (названные - только ничтожная часть их), разрастаясь до крайности, своими постыдно-грубыми влечениями заполняют всю душу человека, заглушают в нем все возвышенное и святое, превращают его в животное. Предостерегая от этого, Евангелие и убеждает: "не заботьтесь и не говорите, что нам есть? или пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники" (Мф. 6, 31-32). Только язычники, то есть люди с грубым сердцем, с непробужденным нравственным чувством, могут удовлетвориться исключительными заботами о материальных интересах, видеть в них единственную цель, служение которой поглощает все высшие, имеющие еще развиваться, формы жизни. Для сынов Царства Божия весь внешний мир со всеми его

вещественными благами должен быть лишь средством к достижению цели, лежащей вне его и выше его. Они не отвращаться должны от него, но возвышаться над ним. Все их помыслы и надежды, все симпатии и труды должны быть направлены главным образом и прежде всего на Царство Божие, на устройство его, на усиление правды Божией на земле. Что же касается материальных благ и наслаждений ими, то наличность их или отсутствие, при удовлетворении насущных потребностей тела, каковых немного, для последователей Евангелия не имеют существенного значения.

Мраморный портик Иерусалимского храма, камень у колодца и рыбацья лодка на озере равно пригодны для благовестия любви и правды людям. Милосердие самарянина, покаяние мытаря, преданность жен-мироносиц и вера хананеянки не обуславливались качеством и покроем их одежды. Речь Иисуса Христа всегда звучала властью и пленяла нравственную красоту, сидел ли он за избранными яствами на вечери богатых фарисеев, был ли он на скромном браке в Кане, делил ли он скудную трапезу галилейских рыбаков. В суровой, выжженной зноем заиорданской пустыне, на берегу изумрудной Тивериады, среди шумно ликующей толпы при входе в Иерусалим, под гнетом креста на скорбном пути, наконец, на самой Голгофе - сердце Спасителя одинаково полно беспредельною, всепрощающею любовью к людям, скорбью об их огрубелом сердце, уверенностью в их обновлении духом.

Призывая человека к служению высшим, духовным целям, Евангелие хочет поставить нас выше материальной обстановки, но нигде, никогда не учит презирать ее, не называет преступлением пользование ею. Тот, Кто говорил о красоте полевых лилий, Кто в тяжелые минуты душевной скорби удалился под тень гефсиманских кедров и олив и здесь молился среди аромата благоухающих цветов, облитых сиянием кроткой луны, не мог запретить наслаждение красотами природы. Не осуждает Он и разумного, уместного наслаждения благами природы, если Сам с такою нежной доброотою принял от женщины помазание драгоценным миром и при этом добавил: "Истинно говорю вам: где ни будет проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в памяти се и о том, что она сделала" (Мк. 14, 9). Нет, Евангелие не отвращает совершенно человека от внешнего мира, от его радостей и благ, не требует полного разрыва с ним; оно хочет только возвысить духовное начало над материальным, оно говорит: "Не любите мира, ни того, что в мире" (1 Ин. 2, 15), не привязывайтесь сердцем к благам его; пусть сердце человека, предназначенное быть алтарем чистой любви и вечной правды, будет свободно от грубых идолов плоти. Христианство прямо утверждает: "кто любит мир (разумеется, всем сердцем, всею душою, всем существом своим), в том нет любви Отчей"; но оно нигде не требует ради любви к Творцу вражды к его творению. Иисус Христос сказал: "кто хочет идти за Мною, отвергнись себя" (Мф. 16, 24), то есть освободись от грубых инстинктов, от низменных привязанностей, отрекись от своего старого животного "я", стань новым духовным существом; но Он не говорил: "отрекись, отстранись совершенно от всего окружающего тебя". В своем окончательном заключении Евангелие заповедует нам: "все создано на пользу и на радость человека, но ничто созданное не должно властвовать над нами".

Поэтому надо или совсем не знать Евангелия, или не понимать его, чтобы говорить, будто христианство враждебно светлым, жизнерадостным впечатлениям бытия. Котляревский в предисловии к своей книге "Мировая скорбь" пишет: "Новая весть, шедшая из Иерусалима, была радостною для тех, кто умел отказаться от радостей в жизни. Она учила страдать и терпеть, она за это обещала награду на небе, она могла осчастливить человека, но только не здесь, не на земле. Вечный неугасимый свет сиял для христианина на небесах, но этот свет как-то не падал на земную долину печали, и, чем ярче пылал пламень веры в сердце человека, тем безотраднее был его взгляд на эту юдоль грешного мира. Припомним аскетические идеалы первых веков христианской эры и средневековья; припомним религиозный ригоризм реформационных движений. *Радость о Господе не была радостью о жизни*". У того же автора двумя страницами далее читаем

еще: "Эпоха первых веков христианства и эпоха реформационных движений отмечены очень сильным развитием пессимистического настроения и мирозерцания. Страх перед злом мира был тогда так велик в людях и сознание своей греховности так сильно, что вся радость жизни, вся ее даже невинная радость и красота были обесценены, и, в сознании своей немощи и преступности, человек смотрел на земное существование не как на цель, а как на переходную ступень к иной, небесной и уже беспечальной жизни. В ее вечности потонули для него и смысл, и прелесть ее земного мгновения"¹³. Подобное суждение о характере христианства ошибочно в самой основе.

Правильное понимание Евангелия, напротив, убеждает, что среди всех философских и религиозных учений нет более светлого и жизнерадостного мировоззрения, чем христианское. Проповедь Спасителя начинается и оканчивается призывом всех труждающихся и обремененных к самой полной, совершенной радости. На Тайной вечери, подводя перед учениками итоги Своей трехлетней проповеди, Иисус Христос говорит им: "Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна" (Ин. 15, II). Если же в Евангелии и говорится немало о кресте, о страданиях, о неизбежности горестей для христианина, то все это не есть собственно неотъемлемая принадлежность Царства Божия, а результат противодействия последнему со стороны царства зла. Апостол Павел пишет к Коринфянам: "надлежит быть и разномыслиям между вами" (1 Кор. II, 19). Здесь, понятно, речь идет не о желательной необходимости, а о печальной неизбежности. Путь к истине труден, идет через ошибки и заблуждения; без споров не обойтись, - разномыслия неизбежны. Точно так же и путь к Царству Божию. Без терний он пройден быть не может. Зло сильно в мире; без боя своей власти не уступит. Против поборников любви и правды оно выдвинет все силы ада. Страдания, мучения физические и нравственные, то, что названо общим именем "крест", тут будут неизбежны. Их и не замалчивает Голгофский Страдалец. "Меня гнали, - говорил он, - будут гнать и вас"; но эти гонения не должны омрачать светлых надежд: начатого дела им не разрушить, созидание Царства Божия не остановить. Как мрак ночной редеет перед солнечным восходом, так и зло исчезает перед обаянием добра. Болотный туман, дым горящей соломы иногда на время закрывают яркое солнце, но проходит время, ветер разносит тучи и клубы дыма, и небеса опять сияют вечною красою. Лицемерие, неправда и насилие распяли Христа на Голгофе, завалили Его в могиле тяжелым камнем, приложили печати, поставили стражу и в злобном упоении торжествовали победу над Ним; но прошло два дня - торжество рушилось: Христос воскрес, а с Ним воскресли добро и правда. Нет той силы, что одолела бы вполне истину; нет такой преграды, что остановила бы навеки шествие в мире торжествующей любви. Что может быть более светлого и жизнерадостного, чем эта вера в конечное торжество истины, любви и добра? Полные этой веры, люди с восторженным взором станут смотреть в лицо смерти, с радостью в сердце пойдут на костры и в руках палачей будут говорить: "Лучше с праведными страдать, чем с нечестивыми наслаждаться". В своей уверенности в торжестве идеи вечной правды они найдут противовес сокрушающей силе личных неудач. Посмотрите на древнехристианские катакомбы: там покоятся останки тысяч мучеников, изломанных на пытке, истерзанных зверями, обугленных на костре, и среди многочисленных священных изображений на стенах и гробницах нет ни одного намека на горечь жизни почивших, на ужасы их смерти. Кроткие голуби, добрый пастух, ягненок, лилии, виноградная лоза - все светлые умиротворяющие образы. Таким образом даже здесь, под сводами гробниц страдальцев, отдельные скорбные вздохи растворились в радостном гимне торжествующей любви. Созерцание занимающейся над миром зари евангельского дня заставляет христиан забыть свои горести и неудачи. Они знают, что Царство Божие силою берется, с большим трудом, многими жертвами добывается и что только употребляющие усилие получают его, и потому их не страшат борьба и личные страдания. Ценою каждой

¹³ Котляревский. "Мировая скорбь", с. X, XII

пролитой за Царство Божие слезы и капли пота они отвоевывают для него новую пядь, и это сторицею вознаграждает их труды. Как гениальный художник, видя, что под его руками глина принимает желанную форму, что в статуе оживает задуманная идея, испытывает чувство восторга, так и евангельский труженик, формируя жизнь по данному Спасителем образцу, в успехах Царства Божия имеет источник неисчерпаемого блаженства. В сравнении с этою жизнерадостностью христиан какую жалкою и пошлою представляется жизнерадостность античного мира, увитого розами и окруженного вакханками с чашами вина. А как возросло бы это довольство жизнью, какую бы широкою волною оно охватило весь мир, если бы Царство Божие в сердцах людей наступило во всей полноте и силе? В полярных странах солнце греет всего несколько педель в году, и этого довольно, чтобы жизнь забила вдруг ключом. Тундры покрываются сплошным ягодным ковром, к ягодам слетаются миллионы птиц, сбегаются стада оленей. Если бы солнце не изменяло своего положения к тундрам, они в несколько лет покрылись бы богатою растительностью, превратились бы в тучные пастбища, застроились бы городами. То же самое и с нашей жизнью. Если бы любовь и правда Христова были в ней не случайными гостями, скрашивали ее не редкими проблесками, а были в ней основным законом, постоянною движущею силою, незакатное солнце светлой радости сияло бы над миром, сердце человека стало бы Царством Бога. Да придет, Господи, к нам Царствие Твое!

Послесловие. Священник Григорий Петров и его книга

В ряду известных духовных писателей XX века имя протоиерея Григория Спиридоновича Петрова (1868-1925) стоит на видном месте. И это место за ним закреплено, прежде всего, книгой "Евангелие как основа жизни", выпущенной в свет впервые в 1898 году и в последующее десятилетие выдержавшей 20 изданий! Такого огромного спроса на одну церковную книгу в те годы среди читателей не наблюдалось. А ведь русскому обществу тогда предлагалось много разных основ жизни, и на роль учителей стремились попасть разного рода бессовестные освободители, поверенные мировой закулисы, а также сектанты. В книге же священника Григория Петрова указан единственно незамутненный и прискотекущий источник жизни - Святое Евангелие, благовествование Самого Подателя жизни - нашего Господа Иисуса Христа. Только в этом источнике черпаются здоровые жизненные силы - духовные, нравственные, физические, и пребывание в евангельской истине делает существование человека полноценным и целесообразным. Не пресекается и не стареет этот источник, и благодать его останется, доколе земля будет стоять.

Казалось бы, простая истина, и не отцом Григорием открыта. Но привлекательность его книги как раз в том и состоит, что она сильным и вдохновенным словом напоминала православным людям о том спасительном пути, по которому им только и следует идти. И люди по достоинству оценили книгу молодого батюшки.

Известен был отец Григорий и как яркий проповедник слова Божия. Его проповеди собирали множество народа, и их сравнивали по силе с проповедями Кронштадтского светильника, о. Иоанна Сергиева. О них даже вышла книга (см.: И. В. Преображенский. Новый и традиционный духовные ораторы о.о. Григорий Петров и Иоанн Сергиев, Кронштадтский. Спб., 1902). Все это говорит о большой популярности протоиерея Григория Петрова в те годы его деятельности.

К сожалению, позднее, после избрания о. Григория во вторую Государственную думу в 1907 г., в его жизни наступило печальное время увлечения политикой, и, не прислушавшись к предостережениям Синода, он лишился священного сана. И только в 1918 г. решением Священного Поместного Собора Российской Церкви Григорий Петров был восстановлен в сане. Затем он эмигрировал, жил и служил в Сербии, потом в Париже, где и скончался в 1925 г.

Разумеется, книга о Григория "Евангелие как основа жизни", написанная в пору его духовного и творческого взлета, когда он, воспитанник Санкт-Петербургской Духовной академии, талантливый богослов, всем сердцем старался служить Православию, не несет в себе и отпечатка последующих трудностей его пути. Да и нельзя труды, признанные священноначалием и принятые православным народом, ставить в непосредственную связь с биографией автора: что создано в согласии с Церковью, принадлежит уже не личности, а Церкви. Как личность автор мог ошибаться, и за это он несет ответственность перед Богом. А настоящая книга, доставившая столько духовного утешения многим людям в прошлом, будет прочитана с пользой и теперь.

Александр Стрижев